CB113
.B4
A6

VASILII VASIL'EVICH BERVI-
FLEROVSKII

1
54289

17 MAR 1958

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

LUX
LIBERTAS

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

CB113
.B4
A6

CB113
.B4
A6

О. В. АПТЕКМАН

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ БЕРВИ-ФЛЕРОВСКИЙ

ПО МАТЕРИАЛАМ б. III ОТДЕЛЕНИЯ и Д. Г. П.

№ 10892.
Инв. 1942.
№ 46859
947
A77

ЛЕНИНГРАД
„КОЛОС"
1925

UNIVERSITY LIBRARY
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

Настоящее издание напечатано
в типографии Первой Ленинградской Трудовой Артели Печатников (Моховая, 40), тираж
3000 экз., 6 печ. листов.
Ленинградский Гублит № 21810.

№ 10892.
Инв. 1942.

Н. ФЛЕРОВСКИЙ (В. В. Берви).

По материалам б. III Отделения и Д. Г. П.

«Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой,
А он, мятежный, ищет бури,
Как будто в бурях есть покой».

М. Ю. Лермонтов.

I.

Огромный и решительный сдвиг, вызванный в нашей общественной жизни хотя бы *формальным* лишь падением крепостного права — манифестом 19 февраля 1861 года—непосредственно сказался, как известно, резким подъемом общественного настроения, целым рядом открытых, дерзновенных и даже мятежных выступлений со стороны крайних революционных общественных групп.

То была пора «бури и натиска» только что народившейся Молодой России.

История — искусный и великий диалектик: не зная ни устали, ни покоя, работает она над непрерывным преобразованием жизни, над вечным поступательным движением ее, разрушая одно и

создавая другое. И по злой иронии истории случилось, что именно самая темная, безнадежная эпоха, — эпоха царствования «прусского юнкера», Николая I, — стала колыбелью, в которой стала зарождаться *новая* жизнь на смену и в отмену *старой*. В течение тридцати кошмарных лет скрытая под спудом молекулярная творческая работа живых сил общества выявилась наконец — *натиском* и *порывом*. Так всегда бывает, когда рождается *новое* общество, устремляющееся на схватку с сердитым, хмурым старым обществом. Борьба двух полярно-противоположных мироощущений и миропониманий, борьба восходящего с заходящим, занимающейся пурпурной зари жизни с бледным, мертвенно тусклым закатом ее... Старая, но вековечная это драма жизни. *Молодое* все стремится вперед, вперед, без передышки вперед, а *старое*, судорожно цепляясь своими костлявыми руками за колесо жизни, пытается не только остановить его, но и повернуть назад, далеко назад — к темноте кромешной, к гнету и насилию, к произволу и бесправию... И когда мыслью моей стараюсь я охватить все мучительные перипетии этой драмы, сердцем моим пережить их, — из глубины души моей, помимо моей воли, вырывается проклятие царям-деспотам, троекратное проклятие многоликому III Отделению и всем, всем врагам,—имя же им легион,—рабоче-крестьянского народа...

19 февраля 1861 г. крепостное право пало. По манифесту 19 февраля «свободный хлебопашец» наделялся таким количеством земли, которое должно было обеспечить не только его существование, но и гарантировать ему возможность оставаться «исправным плательщиком» государству.

Мягко стелет, да жестко спать. «Свободный хлебопашец», несмотря на то, что он—«вольный», получает надел земли меньше, чем *владел в крепостное время*. Мало того. Земля в общем *худшего* качества.

Запутанная система *максимов* и *минимов* наделов (нормальные и «нищенские»—четвертные) вносила с самого начала в дело освобождения крестьян массу недоразумений, замешательств, конфликтов, окончившихся *кровавой* расправой.

«Крестьянские волнения в 29 губерниях были первым приветствием дворянско-бюрократическому «освобождению». Они были подавлены вследствие разрозненности и низкого уровня политического сознания крестьянства, соответствовавшего низкой ступени его экономического развития, но призрак их остался в русской деревне» [1]).

Порвалась цепь великая, но — «порвалась и ударила одним концом по барину, другим—по му-

---

[1]) Н. И. Иорданский. Конституционное движение в 60-х годах, стр. 115. Изд. С. Н. Салтыкова. Спб. 1906.

жику». Этим сильным выразительным штрихом Муза «печали и скорби» подводит итог «великой крестьянской реформе». В обобщающей форме это значит: крестьянская реформа, на которую «общество» возлагало столько надежд, видя в ней начало коренного и всестороннего обновления всего строя жизни, полное и решительное раскрепощение страны — не только материальное, но и духовное, не только экономическое, но и политическое, — эта пресловутая реформа глубоко потрясла всех, *все* общество, как целое: разочарованное, обманутое, оно «вздрогнуло от гнева и удивления». И если бурные и многочисленные бунты крестьянские, вспыхнувшие уж на другой день «воли», представляются наиболее мощным проявлением общего стремления к новым формам социально-политического быта, то последовавшие за крестьянскими волнениями *дворянские* волнения, с одной стороны, и волнения *разночинной городской «интеллигенции»* — с другой являются уже наиболее сознательным выражением того освободительного и революционного движения, которое широкой, но не глубокой волною разлилось в начале 60-х годов.

Как субъективное выражение объективно совершавшихся уже в глубинах *вновь* строющейся русской жизни перемен, эти волнения дворян и разночинной городской интеллигенции в высокой

степени примечательны, и мы остановимся на них на момент, так как это касается темы нашей работы: они, эти волнения, выпукло и красочно вырисовывают перед нами ту социально-политическую обстановку, при которой *впервые* на арену общественной и политической деятельности выступил Берви-Флеровский. Вне этой обстановки, вне той начинавшейся исторической драмы, которая разыгрывалась на глазах Берви, не могут быть поняты ни смелые выступления этого последнего, ни сам он, Берви, как своеобразная, крупная, богатая субъективными переживаниями и внешним драматизмом личность.

Содержание этой начинавшейся исторической драмы таково:

На одном полюсе — *правительство* «смело и решительно монополизирует в свою пользу представительство народных интересов и, чувствуя за собою поддержку крестьянства и разных «людей третьей статьи» (т. е. среднего, мелкого мещанства и прочего разночинного, лишенного частного землевладения люда), спокойно выдерживает натиск оппозиции» и устами своего верного, преданного «демократа»-бюрократа, Н. А. Милютина, гордо заявляет во всеуслышание: «tout *pour* le peuple, rien *par* le peuple!» (все—*для* народа, ничего — *через* народ» [1]). Верными и твердыми ша-

[1]) Слова Н. И. Иорданского. Там же.

гами идет оно по раз намеченному им пути; оно знает, куда идет, знает хорошо, чего оно хочет. Его цель—опека, систематическая, во всех частях выдержанная опека, без «послаблений»: равенство — без свободы, просвещение — без животворящего духа свободы мысли и исследования, общественная самодеятельность — в рамках предписаний, ограничений, усмотрений и прочих-прочих воспособлений сложного бюрократического механизма и, наконец, — *прогресс* (ведь правительство Александра II стояло за прогресс!): «три шага вперед, два назад, как иерусалимские паломники, слишком много нагрешившие». (Герцен).

На другом полюсе — *дворянство и разночинная городская интеллигенция*, как интегральная часть «общества».

«Позиции дворянства определяются лишь постепенно, в процессе развития крестьянского дела. Социальная природа сословия, экономические условия существования различных его элементов не позволяют дворянскому движению быстро и решительно подняться на ту высоту, которая могла бы обеспечить победу общества над бюрократией. Сознание *сословного* единства устанавливается окончательно лишь после того, как изжито первоначальное смутное брожение в его рядах и устранены внутренние трения и несогласия» [1]).

[1]) Там же.

Объединившись, дворянство обоими своими крылами, *правым и левым*, устремляется в борьбу с центральной властью, решительно становится в оппозицию к ней, как к яркой выразительнице государственного принципа: «цезаризм во главе и тайная полиция в подножьи»—идеал строя государственного управления того же Н. А. Милютина.

Как антитеза последнему, объединенное дворянство выдвигает на очередь дня требования «правового» буржуазного политического уклада жизни, и в той именно форме, в какой этот уклад в историческом своем процессе развития утвердился на Западе: правое крыло—доморощенные наши лэндлорды—горячо стоит за *аристократическую* английскую конституцию, крылатая формула английских парламентариев «her majesty's opposition» («оппозиция ее величества») особенно облюбована этим крылом; левое крыло—за либеральную, либерально-демократическую конституцию, в различных ее оттенках, как это имеет место на континенте. В пользу завоевания конституции ведется деятельная пропаганда, агитация как устная, так и рукописная и печатная, повсюду у нас, а также и за границей, открыто и подпольно («Великорус»). Но излюбленный и преобладающий метод выражения политических стремлений дворянства—это подача «мнений», «записок» и «адре-

сов» на высочайшее имя. Страсти разгораются, борьба кипит. «Общество» с напряженным вниманием и захватывающим интересом следит за все более и более обостряющимся поединком между отмирающим уже привилегированным сословием дворянства и собирающей еще свои силы центральной властью.

Параллельно и одновременно с конституционным движением либерального общества в целом и дворянства—в частности возникает и развивается в среде городской разночинной интеллигенции революционное движение, принципиально и практически враждебное как конституционному движению дворянства, так и ложно-демократическому курсу государственной власти. Никаких «душу возвышающих обманов» по отношению к этим двум социальным силам. Они враги народа, это ложно-«демократическое» правительство с его двуликим царем,—«царем-деспотом и царем-реформатором» — во главе и бессильное либеральное общество. Они обманули народ, они средь белого дня ограбили его дочиста. Революционеры собирают свои силы, сплачиваются, организовываются в центрах и провинции, заводят подпольные типографии, выпускают агитационные листки, пропагандируют и будят спящих... Они зовут под свое знамя молодежь, офицерство, солдат, они зовут их в народ, в крестьянскую массу, где

уже зреет всеобщее восстание. Оно идет, это восстание, его шаги уже слышны: еще год-другой... Они зовут все живое, чуткое к народному горю, преданное народным интересам, чтобы *при посредстве* народа, *с самим* народом сокрушить до основания бюрократическое царское государство и тянущееся к этому государству либеральное общество, различных оттенков и цветов,—сокрушить для того, чтобы на развалинах этого строя воздвигнуть согласный с исконными идеалами народа новый уклад жизни. Не велика пока эта «партия», но она наводит страх на правительство, а особенно на «общество», ибо за спиной этой партии, партии революционеров, они видят грозный призрак уже «сосчитавших свои ряды» рабов—они видят «пугачевщину».

Так, к началу 1862 года, «на общественно-политической сцене все ярче и ярче обрисовывались те силы, которым суждено было сыграть роль повивальной бабки нового общества» [1]).

1862-й год. «Крестьянский вопрос» вступает в первую, так сказать, фазу своего практического осуществления. В январе собираются губернские и уездные дворянские собрания. Гвоздь этих собраний—злосчастный крестьянский вопрос. Дворянство встревожено, совесть его нечиста: обо-

---

[1]) Там же, стр. 32.

брали-таки дочиста народ! оно напугано: обманутый народ, как грозная тень, стоит пред его глазами. Оно чует приближение «дней великого гнева». Что делать? Как миновать беды?

Один исход: «почтительно-верноподданнически» (выражение Кошелева) припасть к «стопам трона». Повторяется старая, порядочно таки захватанная тактика: подача на высочайшее имя адресов. В Новгороде, Москве, Петербурге, Твери, Смоленске, Туле, Саратове, Симбирске и других городах дворянство подает голос в пользу созыва народных представителей, хотя под народными представителями оно нередко разумеет представителей дворянства (Симбирское дворянство). В авангарде этих дворянских выступлений—тверское дворянство, как это имело место и в предыдущие годы. В начале февраля 1862 года собралось чрезвычайное тверское губернское дворянское собрание. Собрание постановило и занесло в протокол подать адрес на высочайшее имя по поводу «Положения» 19 февраля 1861 года.

Адрес написан с большим достоинством и проникнут либерально-демократическим духом. Он объявляет пред лицом всей России, что оно, дворянство, отказывается от всех своих сословных привилегий и не считает нарушением своих прав обязательное предоставление крестьянам земли в собственность с вознаграждением помещиков при

содействии всего государства. Оно за уничтожение сословного антагонизма, обусловленного крепостническими отношениями во всех сферах гражданского и политического бытия. Оно требует полного, всестороннего и решительного раскрепощения и, как «венчания здания»—установления «правового порядка», «дарования» политической свободы. Но осуществление этих реформ невозможно тем путем правительственных мер, которыми до сих пор двигалась наша общественная жизнь. Предполагая даже полную готовность правительства произвести реформы, дворянство глубоко проникнуто тем убеждением, что правительство не в состоянии их совершить. Свободные учреждения, к которым ведут эти реформы, могут выйти только из народа, а иначе будут только мертвою буквою и поставят общество в еще более натянутое положение.

Посему дворянство обращается к его величеству с всеподданнейшей просьбой о совершении этих реформ, но, признавая свою несостоятельность в этом деле, ограничивается указанием того пути, который послужит как для спасения себя, так и общества. Этот путь есть собрание выборных от всего народа без различия сословий. Noblesse oblige. (Положение обязывает).

Этот адрес и отказ тверского дворянства от сословных привилегий вызвал тревогу даже в

оппозиционно настроенной дворянской среде. Но это еще не все.

Вслед за этим тринадцать мировых посредников Тверской губ., опираясь на постановление дворянского собрания, обратились с письменным заявлением в губернское присутствие по крестьянским делам о том, что они не согласны с Положением 19 февраля об освобождении крестьян, что они могут действовать только согласно своим убеждениям и всякий другой образ действий признают противным общественному благу. В числе этих мировых посредников были братья Бакунины, Алексей и Николай, вдохновители этого дела.

«Тверское губернское по крестьянским делам присутствие, рассмотрев вышеупомянутое заявление, постановило представить оное министру внутренних дел, присовокупляя, что, по мнению присутствия, лишь тот образ действия должен быть признан враждебным обществу, который основан не на соблюдении действующего закона, для всех обязательного, а на произволе одного или нескольких лиц.

Вследствие чего сделано распоряжение об арестовании означенных лиц и о предании их суду 1-го отделения правительствующего сената, коему подведомственна Тверская губ. («Северная Почта» от 21 февраля, № 39. Газета мин. вн. дел) [1]).

---

[1]) Б. Базилевский. Государственные преступления в России в XIX веке, стр. 208, т. 1-й (1825—76 г.)

В той же газете М. В. Д., от 19 августа 1862 г. № 181, напечатано: в «Северной Почте» (от 21 февраля 1862 г. № 39) объявлено было о предании по высочайшему повелению суду правительствующего сената тринадцати тверских дворян, принадлежавших к составу мировых учреждений тверской губернии... (следует перечисление фамилий мировых посредников. А.).

По рассмотрении дела в правительствующем сенате (по 1-му отделению 5-го департамента) упомянутые лица признаны виновными в составлении и распространении заявления, заключающего в себе недозволенные суждения о постановлениях и действиях правительства, с нарушением служебного порядка, за что, по силе существующих законов, решением правительствующего сената определено: лишив упомянутых лиц некоторых по 54 ст. уложения особенных прав и преимуществ, подвергнуть их заключению в смирительном доме, сообразно разным степеням виновности подсудимых, на следующие сроки: коллежского секретаря Бакунина на два года и четыре месяца, коллежского ассесора Кислинского на два года, а остальных на два года и два месяца [1]).

10647

---

[1]) Мировые посредники, руководствуясь протоколом постановления огромного большинства дворянского собрания, «собрались на съезде и разослали по волостям циркуляр, что, согласно желанию тверского дворянства, будут впредь наре-

БИБЛИОТЕКА СТОЛОВОЙ С.Н.К.

Решение это было объявлено подсудимым 10 июня, и на основании оного они были подвергнуты заключению 18 июля.

Государь император, по случаю торжественного дня тезоименитства государыни императрицы, всемилостивейше соизволил освободить всех упомянутых лиц от присужденного им заключения, сохранив затем силу приговора в остальной его части. Вследствие сего упомянутые лица освобождены от заключения 22 июля» [1]).

Так ответило правительство «скорпионами» на смелый и благородный поступок тверских дворян. Как же реагировало «благородное в империи сословие» на эту, по истине, тяжелую кару, постигшую его членов: ведь, «приговор сохранил свою силу в остальной его части», а это значит, что лучшие люди дворянства, благородно-мыслящие, убежденные сторонники политической свободы, лишены отныне права участвовать в государственной и общественной работе впредь до *новой* милости государя императора? В «Делах» III Отде-

---

зать крестьянам наделы в полную собственность с прекращением всяких обязательных отношений к помещику, потому что иной образ действия они находят противоречащим общественному благу». Н. Флеровский. «Три политические системы».

[1]) Б. Базилевский. Государств. прест. в России в XIX веке. Стр. 208, т. I. (1825—76 г.).

ления мы не находим относительно этого никаких указаний, а неутомимый хроникер—надо ему отдать справедливость—с щепетильною добросовестностью следит за самомалейшими проявлениями освободительного движения, с какой бы стороны оно ни сказалось. Нет также намека на какой-либо ответ со стороны русского дворянства и в тех печатных материалах, которые сейчас имеются у нас под рукою. Что это значит? Остается предположить, что дворянство было терроризировано этою суровою мерою наказания, а *страх* для сословия, спокон веку «почтительно-верноподданнического» — серьезный тормаз для проявления каких-либо решительных выступлений. Может быть, здесь сказались глубокие *внутренние*, обусловленные экономической структурой этого сословия, противоречия: «ведь единство *сословное* не есть еще единство *экономическое*». (Н. И. Иорданский). А может быть, «лукавый» уже стал смущать колеблющихся: не пора ли бить отбой?.. Как бы то ни было, но дворянство, как сословие, не решалось, очевидно, протестовать открыто против такого грубого произвола государственной власти...

Но вот, словно выстрел в тиши ночи, раздался внезапно негодующий, пылающий святым гневом голос протестанта. Кто он, с открытым забралом бросивший в лицо «божией милостью» монарха

горькие слова правды? Министр юстиции Панин изложил это следующим образом в секретном отношении шефу жандармов кн. Долгорукову от 7 марта 1862 г.: — «Надворный советник Берви, сын профессора Казанского университета, кончил в сем университете курс наук по юридическому факультету со степенью кандидата с особым отличием, по которому предоставлено было ему начать службу в министерствах и главных управлениях, в 1849 году он поступил в департамент министерства юстиции, в котором с того времени служит постоянно. Занятиями своими и теоретическими познаниями он обратил на себя внимание, занимал разные должности и в настоящее время состоит чиновником особых поручений при департаменте. Во время службы Берви был поведения скромного, *но в исходе прошлого года некоторыми своими поступками он возбудил сомнение в твердости его мыслей относительно служебного долга*, и потому, когда бывший министр народного просвещения, в ноябре месяце 1860 года, спрашивал, не встречаю ли я препятствий к отправлению помянутого Берви за границу, для приготовления к получению высшей ученой степени, то я отвечал графу Путятину, что, по вышеизложенной причине, отправление Берви за границу, на казенный счет, я признал бы неудобным. За таким ответом Берви отправлен не был. Из доставленной вашим

сиятельством записки, между прочим, усматривается, что Берви прибыл из Москвы 14 ноября. По этому случаю я считаю долгом сказать, что Берви в последний раз был уволен в отпуск в Самарскую губ., для устройства, как объяснил он, семейных своих дел, 13 ноября 1861 года, на 29 дней, явился с сего отпуска в срок и с того времени в отпуск увольняем не был, но в последних числах февраля он не являлся на службу, оправдываясь болезнью» [1]).

Вот этот-то «чиновник особых поручений» и обратился с прошением на «высочайшее имя», но он выступил не как коленопреклоненный челобитчик, а как грозный судья. Одновременно с этим Берви обратился с письмами ко всем губернским и уездным предводителям дворянства, а кроме того адресовался с «обращением к посольству Британской империи». Вот текст адреса на высочайшее имя, письма к предводителям дворянства и обращения к посольству Британской империи (последнее на русском языке).

---

[1]) Дело III отд. 1-я эксп. № 139, 1862. В подчеркнутых строках—намек на *первое политическое выступление* Берви, когда он, во время студенческих беспорядков 61 года, принял энергичное участие в организации и проведении петиционной кампании—в защиту избитых, арестованных и сосланных студентов. Петиция адресовалась царю. А.

I. «Ваше Императорское Величество! [1]).

Тринадцать человѣкъ дворянъ, принадлежащихъ къ мировому учрежденію Тверской губерніи, объявили губернскому присутствію по крестьянскимъ дѣламъ, что они имѣютъ нѣкоторыя убѣжденія, несогласныя съ положеніемъ отъ 19 февраля объ освобожденіи крестьянъ, что они находятъ возможнымъ дѣйствовать лишь согласно съ своими убѣжденіями и всякій другой образъ дѣйствій признаютъ противнымъ общественному благу. За такой поступокъ они были взяты подъ арестъ и преданы суду Пр. Сената, какъ извѣстно и Вашему Императорскому Величеству.

По закону дворянинъ долженъ быть взятъ подъ арестъ только въ томъ случаѣ, когда онъ совершилъ преступленіе, подвергающее его лишенію правъ состоянія. Между тѣмъ, помянутые тверскіе дворяне не только не сдѣлали ничего противузаконнаго, но исполнили прямую свою обязанность. Они заявили, благородно и откровенно, правительству, въ качествѣ должностныхъ лицъ о своихъ убѣжденіяхъ и о своихъ мнѣніяхъ относительно законовъ. Они сдѣлали это не прежде, как удостовѣрившись въ томъ, что значительное число дворянъ раздѣляетъ ихъ взгляды и удержались отъ всякаго вліянія на крестьянъ, которое могло бы

[1]) См. Дело № 139, 1 эксп. 1862 г. А. Орфография и пунктуация сохранены. А.

имѣть своимъ послѣдствіемъ опасныя волненія. При такомъ положеніи не было никакой необходимости обращаться съ ними, какъ съ государственными преступниками, показывать недовѣріе къ судьямъ, избраннымъ дворянствомъ, подвергая помянутыхъ посредниковъ суду Сената и наносить кровное оскорбленіе всему дворянству, явно обнаруживая намѣреніе удерживать дворянъ въ рабскомъ униженіи, страхомъ заключенія и ссылки, препятствуя имъ высказывать свои чувства и убѣжденія. Въ цивилизованномъ государствѣ поступокъ тверскихъ дворянъ могъ бы повлечь за собою увольненіе ихъ отъ должности и ничего болѣе.

Вслѣдствіе этого я оффиціально обратился къ предводителю дворянства той губерніи, къ которой я принадлежу по имѣнію и письмами къ другимъ предводителямъ дворянства и просилъ ихъ, предъявивъ мое письмо сословію, которое избрало ихъ своимъ представителемъ, пригласить дворянство ходатайствовать передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ объ огражденіи насъ, дворянъ, отъ такого произвола, который подвергаетъ честь нашего сословія опасности. Въ то же время я обратился въ посольство Великобританской имперіи и просилъ сообщить англійской націи, что я протестовалъ противъ деспотическаго и притѣснительнаго дѣйствія правительства письмами къ предводителямъ дворянства.

Такія мѣры приняты были мною потому, что зрѣлое и всестороннее обсужденіе всего, что я видѣлъ въ послѣднее время, внушило мнѣ ясное и, для меня, неопровержимое убѣжденіе, что настоящая политика правительства приведет насъ къ развитію путемъ революціоннымъ. Убѣжденіе это до того во мнѣ сильно, что я считаю долгомъ своей совѣсти делать все, что отъ меня зависитъ для того, чтобы противудѣйствовать такому направленію, не жалѣя ни своей жизни, ни своего счастья. При Императорѣ Николаѣ I, гоненіе, воздвигаемое на всякое развитіе, имѣло обыкновенное свое послѣдствіе; всѣ образованные, молодые и смѣлые люди восторженно сочувствовали всякимъ революціоннымъ движеніямъ и даже политическимъ убійствамъ. Но такой вредный образъ мыслей тогда не былъ опасенъ, они были разъединены, не знали, что дѣлается въ Россіи и не могли имѣть никакого вліянія на народъ, униженный и невѣжественный. Когда наконецъ Россія вышла изъ этого позорнаго состоянія, достойнаго проклятій исторіи и ступила на путь прогресса, въ общественномъ мнѣніи обнаружилась самая благодѣтельная перемѣна, всѣ восторженно надѣялись на мирный прогрессъ, любовь къ революціямъ не только вышла изъ моды, но даже стала пользоваться почти всеобщимъ презрѣніемъ. Прежнее направленіе однако же не могло вдругъ искоре-

ниться, еще оставались, поддерживаемые съ нѣкоторыхъ сторонъ, любители революцій, но это были дотлѣвающіе угли, заглушаемые пепломъ общественнаго мнѣнія, имъ предсказывалась смерть. Въ это время обнаружились революціонная пропаганда Михайлова, пропаганда мирнаго прогресса въ Великороссѣ и неудовольствія студентовъ.

Сначала число приверженцевъ Михайлова было крайне незначительно, объ немъ почти не говорили, объ немъ болѣе заботились въ верхнихъ, чѣмъ въ среднихъ слояхъ общества; въ то же время обнаружилось явленіе небывалое, и поразительно отрадное, явились безпристрастные, благородные и самостоятельные защитники правительства, которые обнаруживали свой образъ мыслей публично и которыхъ, несмотря на это, никто не подозрѣвалъ въ томъ, что они дѣйствуютъ изъ подобострастія и низкихъ цѣлей. Русскій народъ обнаружилъ благодарность правительству, доходившую до слабости, что, впрочемъ, и слѣдовало ожидать всякому, кто былъ знакомъ съ русской исторіею. Волненія студентовъ даже въ крайней партіи не увеличивали числа защитниковъ насильственнаго образа дѣйствій и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не разнесся слухъ, что на безоружныхъ студентовъ пошли въ штыки и нѣкоторые были тяжело ранены. Ужасъ былъ всеобщій, въ крайней партіи явились голоса, которые утверждали, что прави-

тельство превратилось въ разбойника, что противъ него теперь всѣ мѣры дозволены, что убить убійцу вещь совершенно законная и что слѣдуетъ перестрѣлять тѣхъ, которые были виновниками этого распоряженія. Хотя составлялись въ этомъ смыслѣ подробные планы, однако же, для всякаго внимательнаго наблюдателя было ясно, что все останется при словахъ, самому смѣлому и ожесточенному человѣку всегда тяжело решаться на убійство. Однако же составилось предположеніе написать разнымъ лицамъ письма о томъ, что послѣ устроенной ими расправы штыками они должны опасаться за свою жизнь. Затѣявшіе это дѣло такъ упорно стояли на своемъ, что несмотря на всѣ усилія, которые были употребляемы для того, чтобы отклонить ихъ отъ своего намѣренія, я не увѣренъ до сихъ поръ, что не было сдѣлано попытки къ его осуществленію. Все это, съ необыкновенною быстротою способствовало къ увеличенію числа приверженцевъ и обожателей Михайлова и поставило его на пьедесталъ величія и героизма. Онъ пересталъ быть человѣкомъ, затѣявшимъ несвоевременное дѣло, его портретъ отыскивался съ жадностью и хранился какъ святыня. Самыя рѣзкія личности изъ крайней партіи снова безнаказанно и часто безъ возраженій стали утверждать, что революція необходима, что слѣдуетъ перерѣзать дворянъ и проч. При такомъ положе-

ніи весьма важно было разрѣшеніе дѣла Михайлова. Были приверженцы правительства, которые ожидали, что онъ будетъ совершенно прощенъ и готовились употребить это аргументомъ противъ всѣхъ защитниковъ насилія. Подобная надежда, конечно, была верхомъ нелѣпости, однако же, можно было ожидать, что у правительства хватитъ здравой политики для того, чтобы присудить его самымъ справедливымъ образомъ и потомъ оказать ему снисхожденіе, которое, лишивъ его средствъ дѣйствовать, сдѣлало его, по возможности, менѣе несчастнымъ. Вмѣсто этого верховный уголовный судъ поступилъ въ его дѣлѣ съ подобострастіемъ, унижающимъ судъ и справедливость, и достойнымъ всякаго презрѣнія. Михайловъ былъ приговоренъ къ наказанію почти вдвое болѣе тягостному, чѣмъ то, которое онъ заслужилъ и даже снисхожденіе, сдѣланное ему было выше слѣдовавшаго ему наказанія. Послѣ этого ни у одного хорошаго человѣка не могъ повернуться языкъ для того, чтобы говорить противъ страдальца, который не только самъ себя сдѣлалъ несчастнымъ, но котораго преслѣдовали съ ожесточеніемъ и местью. Михайловъ сдѣлался мученикомъ и его мученическое сіяніе освѣтило плѣнительнымъ блескомъ и его идеи. Вмѣсто того, чтобы возложить надежду на здравость общества и привлекать къ себѣ великодушіемъ правительство вздумало дѣй-

ствовать устрашениемъ. Результатъ былъ тотъ, что оно никого не устрашило и значительно увеличило число лицъ, сочувствующихъ революціоннымъ переворотамъ, в особенности юношество всосало въ себя этотъ ядъ. Дѣйствія правительства относительно университетовъ были только отчасти противоядіемъ, они всего болѣе сдѣлали довольными профессоровъ, а профессора и безъ того никогда не сочувствовали революціоннымъ идеямъ—всего важнее было то, что они успокоили студентовъ.

Въ это же самое время обнаружилось въ губерніяхъ направленіе самое благодѣтельное. Лица самой крайней партіи, даже тѣ, которые съ жадностью читали «Колоколъ» и сочувствовали его идеямъ, единодушно поощряли другъ друга дѣйствовать мирнымъ и откровеннымъ путемъ, порицали тѣхъ, которые давали другіе совѣты за границею, уговаривали не бояться открытаго образа дѣйствій и утверждали, что въ настоящее время, никакихъ гонений воздвигаемо быть не можетъ и т. д. Но лишь только сдѣлана была первая попытка дѣйствовать открыто послѣдовалъ арестъ и судъ тверскихъ мировыхъ посредниковъ, арестованы были именно тѣ лица, которыя всего болѣе отстаивали мужественный образъ дѣйствій мирнымъ путемъ. Послѣдствія обружились тотчасъ же, въ крайней партіи начали говорить, что тверскіе дворяне дѣлали глупость, что дѣйствіе прямымъ мирнымъ

путемъ ведетъ въ крѣпость, что теперь ясно какъ день, что правительство намѣрено безпощадно преслѣдовать всѣхъ единомышленниковъ крайней партіи, что оно не останавливается ни передъ обманомъ, ни передъ ложью, ни передъ насиліемъ и что противъ него также остается дѣйствовать хитростью и кознями, и познакомить народъ съ истинными его друзьями. Я спрашиваю, что можетъ сдѣлать правительство противъ такого образа дѣйствія, если онъ перейдетъ въ принципы и въ убѣжденія. Всякія преслѣдованія тайной полиціи приведутъ только къ тому, чтобы упрочить революціонныя симпатіи въ душахъ людей крайней партіи. Введеніе самоуправленія мѣстнаго и конституціонныхъ собраній ничего не измѣнитъ въ этомъ отношеніи, новыя избирательныя учрежденія будутъ по вѣроятности находиться подъ сильнымъ вліяніемъ уже существующей администраціи и переймутъ отъ нее деспотическія замашки. Крайняя партія будетъ точно такъ же безпощадно преслѣдуема и ожесточаема, ее революціонныя симпатіи не только не будутъ уменьшаться, но будутъ постоянно возрастать. Революціонныя симпатіи не представляли особенной опасности въ жалкое и позорное царствованіе Императора Николая, потому что число образованныхъ людей доводилось при немъ до минимума и масса народа держалась въ варварскомъ невѣжестве. Въ государствѣ же развиваю-

щемся такое ожесточеніе крайней партіи опасная игра. Число образованныхъ людей постоянно увеличивается, и чѣмъ быстрѣе развивается народъ, тѣмъ значительнѣе въ немъ крайняя партія и числомъ и вліяніемъ. Масса народа также дѣлается восприимчивѣе къ волненію умовъ.

Конечно, въ настоящую минуту спокойствіе правительства и общества стоятъ на твердыхъ основаніяхъ. Освобожденіе крестьянъ внушило столько же довѣрія къ правительству, сколько недовѣрія къ образованнымъ классамъ, всякая попытка къ возбужденію народа въ настоящее время была бы нелѣпость, которая можетъ окончиться самымъ жалкимъ образомъ. Но въ высшей степени не политично со стороны правительства пользоваться этимъ для преслѣдованія и ожесточенія людей самаго смѣлаго образа мыслей, надѣяться на искорененіе крайней партіи путем устрашенія совершенная нелѣпость, развивающееся общество точно также не можетъ существовать безъ крайней партіи, какъ религія безъ сектъ. Движеніе этой партіи всегда будетъ слѣдовать общему закону природы, она будет расти относительно тѣмъ быстрѣе, чѣмъ быстрѣе будетъ развиваться государство. Она будетъ симпатизировать тѣмъ болѣе резкимъ и насильственнымъ мѣрамъ, чѣмъ болѣе она будетъ притѣсняема. Насилія со стороны государства только для поверхностнаго наблюденія остаются

безнаказанными и не имѣютъ послѣдствій, въ сущности же, степенью насилія употребляемаго правительствомъ опредѣляется образъ мыслей крайней партіи, ожесточенная безпрерывными тюремными заключеніями, она симпатизируетъ революціямъ, ожесточенная еще болѣе, она не отступаетъ передъ убійствами. Не забывайте, Государь, въ какую опасность Ваше Величество поставляетъ такимъ образомъ государство, масса народа не всегда будетъ довольна при столкновеніи несчастныхъ обстоятельствъ, напр., въ голодѣ, повальн. болѣзни и проч. Энергическое неудовольствіе можетъ распространиться весьма легко, и если въ это время, самая смѣлая часть образованнаго сословія будетъ ожесточена, если она будетъ симпатизировать революціоннымъ движеніямъ и заговорамъ, то легко можетъ случиться несчастіе.

На основаніи всего вышеизложеннаго, я всеподданнѣйше прошу Ваше Императорское Величество оградить насъ, дворянъ, отъ произвола, подвергающаго опасности самостоятельность нашу и честь нашего сословія и въ управленіи слѣдовать политикѣ самовоздержанія.—28 февраля 1862 года».

Под этим прошением стояла следующая подпись:

«Сіе всеподданнѣйшее прошеніе сочинялъ, писалъ и переписывалъ потомственный дворянинъ

Вашего Императорскаго Величества надворный совѣтникъ Вильгельмъ Берви» [1]).

II. «Милостивый Государь! В газетах прошедших дней было отпечатано, что тринадцать человек потомственных дворян и помещиков, принадлежащих к составу мирового учреждения Тверской губернии объявили губернскому присутствию по крестьянским делам, что они имеют некоторые убеждения, несогласные с положением от 19-го февраля об освобождении крестьян, что они могут действовать только согласно с своими убеждениями и всякий другой образ действий признают противным общественному благу.

К сему было присовокуплено в газетах, что за такой поступок они были взяты под арест и преданы суду Правительствующего Сената.

На основании закона дворянин должен быть взят под арест только в таком случае, когда он совершил преступление, подвергающее его лишению прав состояния, а суду Сената в первой инстанции подлежат лишь важные государственные преступления. Кроме того, мне достоверно известно, что поступок помянутых тверских дворян подводится под ст. 371 ул. о нак., в которой сказано: «Когда должностное лицо не исполнило высоч. указа или повеления с намерением, из ко-

[1]) Местожительство просителя указано тут же: в С.-Петербурге, по Гороховой ул., д. № 22.

рыстных или иных личных видов, то оное подвергается лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы в крепостях на время от 10-ти до 12-ти лет».

Если применять законы таким образом, то ни один из нас дворян ни в одну минуту своей жизни не может быть уверен, что не будет взят под арест, лишен прав и сослан в Сибирь. Я закурил сигару в вагоне на железной дороге, по высоч. повелению в вагонах курить запрещено, я должен быть лишен прав и сослан в каторжные работы.

Со стороны помянутых тверских дворян никакого неисполнения высоч. повеления не было, они не только не сделали ничего противузаконного, но напротив того, они исполнили прямую свою обязанность, они заявили благородно и откровенно, в качестве должностных лиц правительству о своих убеждениях и о своих мнениях относительно законов. Они сделали это не прежде как убедившись, что значительное число дворян разделяет их взгляды. Во всех цивилизованных государствах, где должностное лицо не считается рабом своего начальства, а благородным и самостоятельным человеком (русского дворянина неприлично и невозможно считать чем нибудь другим), во всех подобных цивилизованных государствах, говорю я, должностное лицо не только может, но часто обязано заявлять правительству о своих убежде-

ниях и мнениях о законах. Если правительство находит эти убеждения правильными, то оно иногда изменяет согласно с ними законы, если же нет, то оно увольняет должностное лицо. Такому образу действий следуют Англия, Бельгия и т. д. В настоящее время вполне доказано, что существование благородного и самостоятельного высшего сословия возможно только при таком образе действий. Мы имеем все основания желать, чтобы и с нами поступали таким образом, а не подвергали нас рабскому унижению и притеснению.

По сему я, в качестве потомственного русского дворянина и помещика, имею честь покорнейше просить Вас, милостивый государь, предъявить сословию, которое избрало Вас своим представителем, мое письмо и пригласить дворянство ходатайствовать перед государем императором об ограждении нас дворян от такого произвола, который подвергает опасности честь нашего сословия. К сему долгом считаю присовокупить, что независимо от всеподданнейшего прошения, поданного по сему предмету, мною сделано подобное заявление и приглашение дворянства той губернии, к которому я имею честь принадлежать, а равно и всех губерний Российской империи».

III. Обращение к посольству британской империи гласило в переводе на русский язык:

«Несколько человек дворян, мировых посредников в Твери, объявило правительству о своих убеждениях и о мнении, которое они имеют о некоторых законах. За такой поступок они были взяты под арест и преданы суду.

Я нахожу, что помянутые дворяне не только не совершили государственного преступления, в котором они обвиняются, но исполнили свою обязанность, объявив правительству о политических своих убеждениях. Предание их суду Сената не представляет для них гарантии справедливости, ибо судьи Сената находятся в распоряжении правительства и еще недавно показали отвратительное подобострастие.

Вследствие сего я протестовал против такого деспотического и притеснительного действия Правительства письмами, адресованными предводителям дворянства всех Русских губерний.

Уведомляя о таковом моем поступке Посольство Британской Империи, я имею честь покорнейше просить его сообщить о вышеизложенном Английской нации, ибо не хочу, чтоб народ такой почтенный, как народ Английский, полагал, что деспотические и притеснительные действия русского правительства остаются без возражения со стороны притесненных».

Какие последствия для Берви имело это смелое его выступление?

С этого момента начались его злоключения, затянувшиеся на несколько десятилетий. Но прежде, чем перейти к этим злоключениям, необходимо небольшое отступление. Дело в том, что Берви-Флеровский в данном случае *не в первый* раз выступает с протестом против неправды и несправедливости, как он их понимает.

Первое, действительно первое свое участие «в политических движениях» Берви-Флеровский датирует сам 1861 годом. В «деле» № 139 за 1862 г. нет, правда, никаких подробностей относительно этого, но в «отношении» министра юстиции Панина к шефу жандармов Долгорукову имеются указания, что Берви в 1861 году сильно скомпрометировал себя в политическом отношении. Окончательный ответ дает нам сам Берви в повести своей жизни, рассказанной им в «Трех политических системах», изданных в Лондоне «Фондом вольной русской прессы» в 1896 году. Вот что случилось. Служба в департаменте министерства юстиции тяготила Вильгельма Вильгельмовича, несмотря на то, что он успел уже значительно выдвинуться, благодаря выдающимся своим дарованиям, огромной эрудиции своей в юридических, политических и экономических дисциплинах, а также своей поразительной работоспособностью. Ему обыкновенно поручались ответственные и часто весьма запутанные задания: составление «запи-

сок», «докладов» и «проектов». То была в общем сизифова работа: мертвая канцелярщина душила его творчество, и он буквально бился в судорогах, как муха в паутине. Но порою и он торжествовал, а именно: когда тем или другим ловким своим маневром, или капризною игрою случая, а то благодаря внутренним служебным интригам между выше его стоящими «чинами» департамента, ему удавалось таки провести то, что он считал целесообразным, полезным, справедливым не только с точки зрения права, но и морали,—особенно когда это касалось государственных и общественных интересов, интересов обездоленых трудовых масс. Англичане говорят: «вкус пуддинга (кэкса) познается в еде». Я скажу: человек познается в работе—в *общественной* работе. Берви-Флеровский весь уходил в *этакую* работу. Экспансивный, крайне впечатлительный, почти до болезненности чуткий, он на трудовом своем посту стоял твердокаменный, несокрушимый, выдержанный. И это-то именно забронировало его от «ликующих, праздно болтающих, обагряющих руки в крови» командующих верхов министерства, с одной стороны, и забитых, серых, мелочных «пасынков жизни» департамента—с другой. Берви-Флеровский был *уник* в департаменте. Но в то время некуда было деваться: надо было жить и работать, накопляя знания и опыт, чтобы приложить их к живому

делу, к живой действительности, когда ударит час. Печальные пережитки николаевского еще режима, когда «дворянская интеллигенция» *должна* была быть на государственной службе. В этом же министерстве, — скажу попутно, — служили одновременно с Берви-Флеровским такие выдающиеся юристы и впоследствии общественные деятели, как Д. Стасов и К. К. Арсеньев,—последний, кроме того, известный писатель-публицист «Вестника Европы».

И вот час Берви ударил. «Судьба его стала принимать новый оборот», заветная его мечта — отдаться науке—осуществилась, наконец: Харьковский университет самым лестным образом предложил ему кафедру финансового права при юридическом факультете. Берви ликует. Но его все-таки берет сомнение, он встревожен. В чем дело? Ему хорошо известно, что провинциальные университеты, а особенно юридические факультеты, плохо обставлены в научном отношении: никаких научных пособий и приспособлений—библиотек, кабинетов, архивов и проч., проч. А без этого Берви не может принять на себя обязанности профессора: быть профессором значит быть ученым, творящим научные ценности и делающим их достоянием аудитории. Это—condito sine qua non для Берви. И он обращается в Казань к своему знакомому профессору химии (должно быть, проф. Н. Бекетову) с за-

просом по этому важному для него делу, при чем к письму прилагает список тщательно подобранных научных пособий, преимущественно на иностранных языках. Профессор химии передает этот запрос в совет университета, при чем выходит курьез. Самый влиятельный профессор юридического факультета (неужели проф. Каченовский? А.) высказывается отрицательно к требованию Берви, находя его, это требование, неуместным и излишним; его поддерживает весь юридический факультет in corpore; против юристов восстают профессора медицинского, математического и естественного факультетов, и вопрос решается большинством в пользу требования Берви: ректор университета уполномочивается сообщить Берви, что университет считает своей обязанностью пойти навстречу научным требованиям Берви. Дело улажено. Берви торжествует. Но его берет забота: победить-то он победил, но какой ценой: не начнутся ли интриги и подвохи всякие, столь обычные во всяких коллегиях, а в том числе и ученых? Встревоженный этим,—не столько лично за себя, сколько за научную свою карьеру, — он обращается за советом к проф. Петербургского университета Кавелину. Последний, выслушав его, прямо поставил точку на «і»: — «охота вам ехать в Харьков преподавать финансовое право; оставайтесь у нас и преподавайте государственное

право — это ваша специальность. Но вы должны сначала выдержать экзамен на ученую степень. Мы вас пошлем на два года за границу, а через два года будете занимать кафедру международного и государственного права европейских держав».

Берви оказался на седьмом небе: «*мне казалось, что я достиг цели моей жизни*», — говорит, в своих «трех политических системах», Берви [1]). И Берви энергично приступает к экзаменам. В апреле 1861 года он выдержал экзамен по главным предметам, но так как наступили экзамены студентов, и факультету некогда было собираться, чтобы экзаменовать его, то вопрос о посылке его за границу был уже решен в положительном смысле, а экзамены по побочным предметам решено было предоставить Берви осенью, пред выездом за границу. Но тут вдруг *неожиданно* «*наступил решительный поворот в жизни*» *Берви*. Что же случилось? Берви вовлекается в политическое движение своего времени, он *впервые* энергично выступает на арену политической борьбы, рискуя своим положением, «целью своей жизни», рискуя попасть в узилище. Вышло оно так. Студенты петербургского университета, возмущенные удалением либерального и просвещенного министра

---

[1]) Курсив мой. А.

народного просвещения Е. Ковалевского и тем явно реакционным курсом, который правительство приняло по отношению к высшим школам, *во-первых*, и народному просвещению в стране вообще, — *во-вторых*, решило устроить *политическую манифестацию*,—как *протест* против всего этого. С этой целью студенты собрали сходку во дворе университета. Явились почти все учащиеся: двор и площади вокруг университета битком набиты были молодежью. Порядок дня — устройство уличной демонстрации с целью протеста против реакционной политики правительства. Новый министр народного просвещения, адмирал Путятин, ханжа и изувер, вкупе с министром юстиции Паниным и воспитателем наследника, Строгановым, самыми темными реакционерами и крепостниками того времени,—образовали «тройственный союз» и тесным кольцом сомкнулись вокруг Александра II, вдохновляли последнего повернуть либеральный курс вспять, назад, во власть тьмы и мракобесия. И молодежь, как всегда, *первая* протестовала, *первая открыто* выступила, как поборница света и свободы. На эту-то именно сходку Берви случайно попал, когда вместе с деканом юридического факультета, с которым только что решил вопрос об окончании своего экзамена и о предстоящем его отъезде за границу, они направились в университет. Впечатление, произведенное на

Берви этой сходкой, было поистине неотразимое.— «Я должен признаться, — говорит Берви, — что я любовался на тот порядок и самообладание, с которым действовали студенты... *Я пробыл на митинге до конца и возвратился домой в самом радужном настроении духа. Если дела пойдут так, как они пошли сегодня, то не будет ни малейшей основательной причины мешать гражданам собираться мирно и выражать правительству свои воззрения на общественные дела, так или иначе отзывающиеся на них*» [1]). «Радужное настроение духа» Берви рассеялось, как туман от первых лучей солнца, на другой же день; оптимистические предположения его улетучились, как пар в полуденный яркий свет: центральная сходка, с ее вожаками во главе, ночью предательски была арестована. В результате: взрыв студенческих беспорядков, активный протест вместо пассивного, бунт, как естественная реакция переливающегося через край чувства гнева и негодования. Правительство ответило на это нагайками, прикладами и штыками; аресты производились массами. Общество вздрогнуло, охваченное одним чувством: глубокого негодования по отношению к правительству и горячей симпатии—к молодежи. Берви был потрясен. Протестовать! протестовать!—стало его лозунгом. Решено

---

[1]) Курсив мой. А. Там же.

было подать всеподданнейшее прошение о помиловании студентов, но «*опять-таки с главной целью открыть глаза императору* на *это дело*» (слова Берви. А.) [1]).

Берви, поддержанный К. К. Арсеньевым, с юношеским пылом бросился в агитацию. Операционным базисом своей агитации он сделал свой департамент.

Здесь—«цвет русской юриспруденции» (Берви), здесь—представители законности, отсюда должен выйти протест, как протест *закона*, общеобязательного и общезначимого. И Берви стал собирать подписи среди своих сослуживцев. *Все* подписались, хотя Берви предупреждал их, что прошение преследуется правительством, что один из крупных чиновников этого ведомства, Д. Стасов, после того, как у него, в поисках за прошением, был сделан обыск, уже арестован. Все остались верными самим себе даже тогда, когда учреждена была следственная комиссия при министерстве по этому делу. Министр юстиции потребовал к себе чиновников главных отделений и сделал запрос о подписавшихся. Все до одного назвали себя. От всех потребовано было *общее* объяснение, которое написал К. К. Арсеньев, но от Берви, как причисленного уже к университету, было потребовано

---

[1]) Курсив мой. А. Там же.

особое. В своем объяснении Берви опирался на закон, дающий всякому русскому право петиционировать, при чем прибавил, что «*счел своим долгом подать руку помощи молодым людям, которых постигло несчастье, тем более, что ему было известно, что они желали действовать законно и если в том не успели, то только потому, что были поставлены в условия, в которых не могли действовать так законно, как предполагали*» [1]). Берви было объявлено, что после его заявления о студентах, вовлеченных в беспорядки действиями правительства, он будет арестован и сослан. Берви не сдается. Он пишет «открытое письмо» к обществу на случай его ареста. В этом письме он юридически обосновывает право каждого русского на подачу всеподданнейшего прошения,—право, от которого *русские ни в каком случае отступаться не должны,* право, не могущее быть отменяемо даже верховной властью, ибо оно, это право, гарантирует верховную власть от возможных покушений на ее неприкосновенность, на ее прерогативы и на незыблемость «основных законов» государства. Следственная комиссия, пригласившая к себе Берви, тоже предупреждала его, что в случае подачи прошения он будет подвергнут тяжелой каре. Берви не сдается. Он готов на все и уже не от-

---

[1]) Курсив мой. Там же.

ступится от раз задуманного и уже приведенного в действие тактического хода. Министр отправился лично с докладом к царю. Министерство юстиции в напряженном состоянии, обычный порядок и благочиние нарушены: чиновники толпятся в корридорах, слышны горячие споры, лед тронулся даже в этом каменно-застывшем учреждении... Ждут беды. Но вдруг чаша сия миновала как Берви, так и Арсеньева: всякое политическое преследование по отношению к ним было прекращено на том основании, что в их действиях не обнаруживалось намерения сопротивляться закону и власти императора. Этот крутой поворот фронта от угроз к милости—ловкий дипломатический ход всесильного тогда министра юстиции: нельзя же было, в самом деле, подвергнуть каре двух чиновников министерства за то дело, которому сочувствовали открыто *все* чиновники этого ведомства, весь «цвет русской юриспруденции». Надо было представить, следовательно, дело в благонамеренном виде. Inde—благоприятная во всех отношениях ликвидация этого дела. Но Берви, как мы уже знаем, все таки был жестоко наказан Паниным: он высказался против отправления Берви за границу, и «за таким ответом Берви отправлен не был». Берви тяжело ранен Паниным: «цель жизни» Берви—профессура—уплыла теперь от него в туманную даль и на неопределенное время.. Мало того. Берви

аттестуется уже Паниным, как чиновник, начинающий уже манкировать своими служебными обязанностями,—правда, ехидно прибавляет Панин,—«по болезни». Положение его в министерстве пошатнулось, положение в университете — совершенно неопределенное. Так поплатился Берви за *первое* свое выступление на политическую арену.

2.

Второе выступление Берви, в 1862 году—подача им всеподданнейшего прошения, циркулярное его обращение к предводителям дворянства и особое обращение его к английскому посольству—произвело форменный переполох в правящах сферах, особенно в «осином гнезде» его—в III Отделении. Судя по запискам и заметкам, имеющимся в деле № 139 («О надв. сов. Вильгельме Берви»), шеф III Отд. князь Долгоруков, военный генерал-губернатор Петербурга, светлейший князь Суворов-Италийский и министр юстиции Панин совещались между собою, как поступить с Берви. Повидимому, они согласились предать Берви суду, но какому именно,—гражданскому или военному,—окончательно не решено. Но вот, 7-го марта 1862 г. Долгоруков обращается к князю Суворову и Панину с почти одинакового содержания «сек-

ретным» отношением:—«По содержанию известного вашему сиятельству прошения чиновника особых поручений при Департаменте Юстиции, надв. сов. Берви, я нахожу необходимым, предварительно каких-либо решительных относительно его распоряжений, освидетельствовать состояние его умственных способностей, и потому имею честь покорнейше просить, не изволите ли Вы, милостивый государь, приказать немедленно доставить сего чиновника к С.-Петербургскому генерал-губернатору, с которым вместе с сим вошел в сношение по этому предмету». Чисто по *николаевски*. Тень несчастного Чаадаева выступает перед нами... С Берви не решились поступить по иезуитски, а прибегли к канцелярской волоките. Арестованный Берви в *первой* инстанции был освидетельствован в состоянии его умственных способностей главным врачем петербургской полиции; затем, так как врач нашел Берви душевно здоровым, то он, уже во *второй* инстанции, был переосвидетельствован в губернском присутствии, которое пришло к заключению, что, для окончательного решения этого вопроса, Берви необходимо поместить на два месяца на испытание в отделение для душевно-больных при втором военно-сухопутном госпитале. Так как вакантного места в госпитале не оказалось, то Берви 17 апреля 1862 г. отправили в больницу Всех Скорбящих.

К какому же заключению пришли врачи больницы Всех Скорбящих?

Главный врач, опираясь на наблюдения врачей-психиатров, дал заключение, что, за все время испытания, Берви никаких симптомов умственного расстройства не обнаруживал. И Берви снова, во второй уже раз, подвергают, так сказать, контрольному освидетельствованию опять-таки в губернском присутствии. Последнее, в свою очередь, находит, что Берви умственно невредим. Получив через военного генерал-губернатора отзыв старшего врача больницы Всех Скорбящих и окончательное по этому поводу мнение губернского присутствия, главный начальник III Отд. обращается к Суворову с вопросом:—что следует теперь предпринять по отношению к Берви,—предать ли последнего суду и какому именно? Мы не нашли в «деле» ответа кн. Суворова, но нашли записку, оставленную для Долгорукова, повидимому, назначенную для высочайшего доклада. В этой записке Долгоруков, признавая, что Берви за свой поступок хотя и подлежит суду, но, в виду того, что не определено умственное состояние его *во время составления и подачи им прошения*, его, Берви, следует подвергнуть административной каре. Записка эта, очевидно, составлена уже после, так сказать, «обмена дипломатических нот» между министром юстиции

гр. Паниным и шефом III Отд. кн. Долгоруковым.

Панину во что бы то ни стало хочется спасти своего даровитого, ученого и в высокой степени трудоспособного «чиновника» от ожидающей его тяжелой кары,—тем более, что «высшее в государстве полицейское управление»—III Отд.—уже готовится этого «чиновника» раздавить. Панин этого не может допустить: он служит в его ведомстве,—так сказать, служебная noblesse не позволяет этого, она обязывает выручить «своего». А может быть, гр. Панин, этот реакционер-царедворец, невольно поддался обаянию личности своего «чиновника по особым поручениям»: ведь «поступок» последнего так выдается своей смелостью, чистотой и благородством намерений... Может быть. И граф Панин обращается к кн. Долгорукову с отношением от 4 августа 1862 года, за № 2977 [1]).

Он, между прочим, говорит:—«Из взаимного соображения означенных двух актов (первого акта освидетельствования Берви 16—28 апреля и второго, заключительного,—после шестинедельного освидетельствования Берви в больнице Всех Скорбящих,—в присутствии губернского правления—А.) нельзя вывести положительного заключения о со-

---

[1]) См. дело № 139, 1-я эк. 1862 г.

стоянии Г. Берви при совершении им поступка, вынудившего освидетельствование; в виду сего сколько потому, что ныне не имеется данных к определению невменяемости, столько же и о раздражительности Г. Берви, которая легко может увлечь его снова к совершению какого-либо необъяснимого поступка, я находил бы возможным освободить его от всякого дальнейшего преследования, особенно при затруднительности в точном определении совершенного им деяния.

Вместе с сим, признавая невозможным оставление г. Берви на службе в департаменте Министерства Юстиции и вообще в столицах и наклонности его принимать неосмотрительно участие в том, что ему представляется политическим движением, несоответствующим пользе службы, я полагал бы, уволив надворного советника Берви от службы в департаменте, назначить ему для пребывания одну из внутренних губерний по выбору Г. М. В. Д.

Предварительно представления по сему предмету всеподданнейшего доклада, считаю долгом сообщить о вышеизложенном вашему сиятельству... и т. д.

Гр. Панин».

Спустя 4 дня, кн. Долгоруков, не желая «оставить» гр. Панина своим «отзывом», шлет к нему секретное отношение за № 2147:

«М. Г.

Граф Виктор Никитич.

Вследствие отношения за № 2977, имею честь уведомить ваше сиятельство, что по моему мнению, если поступки надворного советника *Берви* были следствием расстройства умственных его способностей и он может снова увлечься по его раздражительности к преступным действиям, то это доказывает ненормальное его состояние, следовательно, он должен быть пользуем и не может оставаться на свободе; если же он умственным расстройством не страдает, как это оказалось при освидетельствовании его ныне, после испытания, которому он подвергался в больнице Всех Скорбящих, и видно из прилагаемой при сем копии акта освидетельствования его Главным Врачем С.-Петербургской Полиции в марте месяце сего года, то поступок г. Берви должен подлежать законному *судебному* рассмотрению.

Примите, М. Г., уверение в истинном моем почтении и совершенной преданности.

Генерал-Адъютант Кн. Долгоруков.

Но гр. Панин не сдается и добился, как persona grata у Александра II, «высочайшего повеления»: «не предавая надворного советника Берви

суду, уволить его из ведомства министерства юстиции, с назначением ему местопребывания вне столицы и с возложением на подведомственное управление вашего сиятельства III Отделения с. е. и. в. канцелярии иметь за его поведением наблюдение». (См. отношение гр. Панина от 26 августа 1862 г., № 3164, к «его сиятельству В. А. Долгорукову»). И действительно; по высочайшему повелению, Берви, после 6-ти месячного содержания (с мая по ноябрь месяц) в больнице Всех Скорбящих, был уволен от службы и административно сослан в Астрахань под надзор полиции.

С этого времени начинаются непрекращающиеся гонения и преследования Берви вплоть до 1886 года. Проследим же тернистый путь, пройденный Берви.—Уже через год, в 1863 году,—читаем мы в «справке» III Отделения,—Берви, проживая в Астрахани, вошел в сношения с разными высланными туда же за политическую неблагонадежность лицами и приступил к антиправительственной пропаганде среди поволжского населения. Берви был арестован и отправлен в Казань в распоряжение следственной комиссии. Поводом к производившемуся следствию послужило письмо высланного также в Астрахань адъюнкт-профессора петербургского университета Калиновского, в котором он писал, что Берви принадлежит в Астрахани к партии пропагандистов, вредно

влияющих на тамошних крестьян. Быв допрошен по этому делу, Берви ни в чем не сознался, и казанская комиссия не нашла юридических фактов к его обвинению; по доставлении же дела в Петербург, здешняя комиссия, усмотрев, что Берви занимался сочинением пасквилей на разных лиц, полагала выслать его в одну из отдаленных губерний. Такое заключение комиссии высочайше утверждено, и Берви выслан был в город Кузнецк, Томской губ.

Затем с 1864 г. по 1868 г., по неоднократным ходатайствам жены Берви и во внимание к ее расстроенному здоровью, он был перемещен из Кузнецка сначала в Томск, потом в Вологду и, наконец, в Тверь.

В 1870 г. признано было возможным освободить Берви от надзора полиции и разрешить ему повсеместное жительство, за исключением С.-Петербурга с его губернией. После этого Берви поселился в Любани. (См. дело № 51, 1871 г.).

Восемь лет Берви, в пору расцвета его богато одаренной натуры, был фактически оторван от живой общественной работы. Можно было, казалось, надеяться, что для Берви наступили, наконец, более светлые дни. Можно было думать, что этот отзывчивый, чуткий человек, этот идеалист-мечтатель, вечно беспокойный и мятущийся, будет предоставлен теперь самому себе—свободному

проявлению своих богатых творческих сил, своим ни на минуту не умолкавшим устремлениям в сторону блага ближнего, счастья его. Но надежды были тщетны, ожидания—иллюзорны. Берви не давали жить, не давали свободно вздохнуть и выпрямиться во весь рост.

Его вскоре окружили целою сетью шпионства, полицейски-обывательской паутиной, раскинутой по всем углам и закоулкам пребывания его. Пущено в ход положительно все, что только может выдумать жестокость, подлость, наветы третьеотделенского режима. Крылатые слова III Отделения: «политическая неблагонадежность», «вредное направление»—явились на практике тою мертвою петлею, которая захлестнулась на шее Берви, нещадно сдавливая его мощь, творчество, благородные порывы и самоотверженные действия.

И первым к тому поводом послужило появление в конце 1869 г. его книги под заглавием: «Положение рабочего класса в России. Наблюдения и исследования Н. Флеровского».

III Отделение забило тревогу. Умное, но злобно-подозрительное, беспощадно мстительное, как Яго, III Отделение недаром ударило в набат. В «Деле» № 56, по 3-й эксп. 1871 г. («Об отставном надв. сов. Вильгельме Берви (он же Флеровский») мы находим следующую, очевидно, предназначенную для доклада шефу III Отд., П. А. Шувалову, за-

писку,—точнее: рецензию,—вероятно, управляющего III Отд. Шульца. Она очень любопытна во многих отношениях.

«Сочинение, вышедшее в конце 1869 г. под заглавием «Положение рабочего класса в России. Наблюдения и исследования Н. Флеровского», замечательно во многих отношениях. Во-первых, у него нельзя отнять серьезности, благодаря которой оно для исследователей народного быта в разных местностях России приобрело значение источника, в научном смысле этого слова; во-вторых, в связи с серьезностью, в нем впервые весьма ловко и, так сказать, в непосредственном применении к делу, проведены социалистические тенденции, составляющие программу «Интернационального Общества», с легкими изменениями, естественно вытекающими из различий между положением рабочего класса в России и в Западной Европе; в третьих, появление этой книги достопримечательно в цензурном отношении, как доказательство несостоятельности цензурных правил, если они призваны предупредить какую-либо агитацию, конечно, не совсем грубую. Наконец, что более всего заинтересовало в упомянутом сочинении, это таинственность его автора. До сих пор оставались безуспешными все меры, принятые для того, чтобы узнать, кто этот Н. Флеровский, где он постоянно проживает, чем занимается и проч.

Здесь полиция не могла доставить никаких указаний. Секретным путем получилось сведение вроде того, например, что Н. Флеровский в прошлом году был в Петербурге у Полякова, оттуда уехал в Тверь. В Твери же по справкам никакого Флеровского не оказывается. Наконец, вчера удалось с достоверностью выяснить эту загадку. Н. Флеровский—никто другой, как служивший в департаменте юстиции надв. сов. *Вильгельм Берви*, тот самый, который в 1862 г. за известные письма к государю императору, председателям дворянства (? предводителям. А.) всех губерний и английскому послу, по делу 13 членов Тверской земской управы (мировых посредников по крестьянской реформе, членов губернского по крестьянским делам присутствия. А.), был выслан в Астрахань, оттуда отправлен в Кузнецк, Томской губ., потом переведен последовательно в Томск, Вологду и Тверь и, наконец, в самое недавнее время получил разрешение проживать где хочет, за исключением Петербурга и петербургской губернии. Жена Берви еще в этом месяце обращалась к вашему сиятельству с просьбою о дозволении мужу ее жить в Петербурге, но получила отказ. О сочинении «Положение рабочего класса в России» в непродолжительном времени будет представлена подробная записка. 15 апреля 1871 года» [1]).

[1]) На полях записки написано карандашем: — «Я словесно

Местожительство Берви-Флеровского, конечно, было обнаружено, да и сам Берви не скрывал этого: он жил на станции Любань, откуда сношения с Петербургом были очень удобны. И тут-то началась систематическая, грубо-жесткая, бесцеремонная, ничем не брезгающая подлинная травля. На сцену выступают безграмотные жандармские унтер-офицеры, сельские власти, становые пристава, исправники, во главе с начальником губернии. И причиной всему, т. е., вернее, ближайшим поводом—«Положение рабочего класса в России», как, по мнению III Отделения, символ *революционного* движения, направления, «крамолы», столь ненавистной ему.

Умный рецензент III Отд. попал, что называется, в самую точку. Книга Флеровского «Положение рабочего класса в России» действительно произвела мощное впечатление на молодую интеллигенцию. Помню, с каким захватывающим интересом зачитывались мы ею в наших кружках—вкупе и

передал К. Ф. Филиппеусу о необходимости выяснить местопребывание Берви, с тем, чтобы над ним учредить особое наблюдение. Не может быть сомнения в том, что он теперь в центре социалистов. 21 апреля». Какое поразительное чутье. Какой идеальный сыскной нюх! Это совершенно согласуется с фактами: тогда уже конструировалось окончательно «Книжное дело».

Филиппеус—заведующий агентурой III Отд. Ловкий чиновник. А.

в *одиночку*—с глаза на глаз, так сказать, с этой дорогой книгой-другом. И в этом отношении рецензент III Отделения оказался весьма «проницательным читателем»,—но не в смысле «проницательного читателя» Чернышевского,—а действительно, подлинно проницательным: сыскная профессия выработала у него чутье правды по стольку, поскольку угадывание, узнавание, схватывание этой правды были необходимы, как средство самообороны, для целей сыска, т. е. бытия третьеотделенского режима. Повторяю: Третье Отделение не ошиблось в оценке значения этой книги как для вдумчивой молодежи, так и интеллигентного общества в целом.

3.

В 1871 году появилась «Азбука социальных наук» Берви. Третье Отделение снова забило тревогу. Рецензент III Отд., по поводу этой книги, замечает: — «Автор этой книги, Берви, разбирая различные общественные формы, группирует все данные так, что становится очевидным намерение его привести читателя к убеждению о несостоятельности существующего порядка вещей. Следующие выдержки вполне характеризуют направление и значение этого сочинения:

«Надо грабить и расточать награбленное—

вот что превозносит человека и покрывает его славой... Чем умнее и энергичнее правитель в стране застоя, чем сильнее в нем желание оставить по себе славную память, тем вреднее отзывается его деятельность на миллионах людей». Или: «Выше в обществе поднимались те, которые с наибольшей энергией притесняли народ... Рядом с этим большое вознаграждение выпадало на долю тех, которые, поселясь в народе, делали его бездушным и раболепным—именно на долю духовенства...»

«Не подлежит сомнению, — продолжает от себя рецензент,—что книга эта, в случае ее распространения, имела бы самое пагубное влияние в особенности на молодежь, не установившуюся еще в своем мировоззрении и лишенную всяких средств критического отношения к подобного рода произведениям, в особенности, когда они, как это было в данном случае, написаны увлекательным языком». И рецензент опять-таки совершенно прав—как в оценке самой книги, так и влияния и значения ее для тогдашней молодой интеллигенции. Я помню хорошо это время и могу засвидетельствовать, что впечатление, произведенное этой *второй* книгой Флеровского (мы хорошо знали, что автор безымянной книги—Флеровский, Н., подаривший нам «Положение рабочего класса в России») было неотразимо и сильно.

Она явилась для нас, не преувеличивая, своего рода откровением, хотя мы были уже не которым образом подготовлены к ней его первой книгой—«Положением рабочего класса в России», а именно: *заключительной* ее частью, — *социологической и этической*, занимавшей около ста страниц.

Шеф III Отд. гр. П. А. Шувалов спешит с всеподданнейшим докладом к Александру II. В докладе, между прочим, говорится: — «По уставу русской ветви «Интернационального общества», найденному при одном обыске в Москве, в апреле текущего года, предположено, между прочим, образование обществ или тайных кружков для издания сочинений по политическим наукам. Недавно в Петербурге в продажу поступила книга под заглавием «Азбука социальных наук». На обертке нет ни имени автора, ни издателя, а значится только, что книга напечатана в типографии Нусвальдта. Имеются достоверные сведения, что «Азбука социальных наук» сочинена известным социалистическим писателем Флеровским (Берви), издана же тайным кружком, образованным из лиц, состоящих под постоянным наблюдением III Отделения е. и. в. канцелярии.

Тем книга эта, как первое явственное осуществление программы русской ветви «Интернационального Общества» по издательской части,

приобретает особое значение, независимо от содержания.

Издатели предполагают доставить означенному сочинению возможно большее распространение в среде молодежи, для чего, отпечатав 2500 экземпляров, они его продают молодым людям с значительною уступкою против магазинной цены.

Составляя объемистый том в 500 страниц, «Азбука социальных наук» не могла еще быть просмотрена вполне. Краткое изложение из ее содержания будет представлено вслед за сим на всемилостивейшее воззрение вашего императорского величества» [1]).

Вслед за этим шеф III Отд. входит опять с докладом к царю с приложением к докладу обещанных извлечений из «Азбуки социальных наук» [2]).

Шеф предпосылает своему докладу некоторые поучительные для «монарха» ремарки: — «Задача вышедших двух частей... состоит в том, чтоб разъяснить значение и влияние различных общественных форм и показать их неудовлетворительность...

---

[1]) На полях доклада рукою Александра II «начертано»: «Азбуку эту не следует допустить к продаже, о чем М. В. Д. сделать нужное распоряжение. 15 октября 1871 года». (См. дело № 185, 3 экспед., Д. Е. В. от 25 октября 1871 года).

[2]) См. Приложение. Дело № 185. На докладе собственноручная фиксированная надпись Александра II:—«Нечего говорить, хорошо направление».

Третья часть, еще не появившаяся в свет, вероятно представит собственный социальный идеал автора» [1]).

А III Отд. все не успокаивается: ему нужны драконовские законы против печати, так как судебные учреждения не охраняют-де, не могут охранять государство от растлевающего влияния «вредных книг», хотя бы они были изъяты судом из продажи. И III Отд. 30 октября 1871 года обращается по этому поводу с специальным «всеподданнейшим» докладом.

Доклад начинается с того, что воспроизводит, точнее: освежает, в памяти монарха его резолюцию на докладе от 15 октября: — «В разъяснение означенной резолюции, на усмотрение вашего величества подлежит рассмотреть, следует ли ограничиться воспрещением продажи книги, или конфисковать ее, так как из неоднократных примеров известно, что нередко книги, запрещенные к продаже в магазинах, тайно продаются людям не-

---

[1]) Оба извлечения,—в копиях, конечно,—помечены: первое—20, второе—30 октября. На втором извлечении на одной из страниц имеется надпись карандашем: «неужели за это нельзя преследовать?» Вообще оба извлечения, особенно второе, испещрены подчеркиваниями, вопросительными знаками и прочими примечаниями внимательного изучения извлечений из «Азбуки». Очевидно, докладчик тщательно отмечал все то, что считал важным для поучения, «божьей милостью», Александра II.

благонадежным и учащейся молодежи, даже по уменьшенной цене. Так, книга, изданная П. Ткачевым, «Рабочий вопрос», несмотря на приговор суда, распространяется в публике путем тайной распродажи. Вообще до сих пор сочинения социалистические, как, например, 1-й том сочинений Лассаля, сочинение Флеровского «Положение рабочего класса в России» и т. п., свободно продавались в магазинах и не мало содействовали распространению социалистических идей в среде учащейся молодежи. В настоящее время, когда уже достаточно выяснился вред подобного порядка вещей, казалось бы, необходимо принять меры к отвращению зла, все более и более проникающего в молодые умы и совращающего их нередко с законного пути».

На полях рукою генерал-адъютанта Левашева помечено: «Его величеству угодно было повелеть запретить обращение этой книги (т. е. «Азбуки соц. наук». А.) в публике с судебным преследованием, обратив внимание кн. Урусова на необходимость немедленно дополнить закон таким образом, чтобы издание подобных сочинений не могло оставаться без наказания» [1]).

Этот приказ царя немедленно исполнен в духе

---

[1]) Кн. Урусов, если не ошибаюсь, товарищ в то время министра юстиции.

III Отдел., как оно именно хотело: удушить даже малые уже в то время проблески свободной мысли в печати. Согласно мнению государственного совета, высочайше утвержденному 7 июня 1872 года, преследование по проступкам печати изъято из ведения суда и передано комитету министров. Расправа с печатью, крамольной и даже еле-еле оппозиционной,—отныне и более скорая, и более решительная. Суд—слишком громоздкий для третьеотделенского режима аппарат. Этим и объясняется, почему возбужденное было против издателей «Азбуки соц. наук» преследование не получило хода в судебном порядке.

А тревога III Отд. не унимается, она все более нарастает. 20 ноября 1871 г. Левашов опять входит с докладом на высочайшее имя. Доклад предостерегающего характера...

«Противуправительственная агитация в среде молодежи, выразившаяся в 1869 году нечаевским тайным обществом, с того времени и после судебного разбирательства этого дела не только не унялась, но можно сказать, что она сделала значительные успехи: в действиях ее видна строгая систематичность, крайняя осторожность, заметно единство и она обладает если не большими, то все же не совсем незначительными денежными средствами. Доказательством последнего может служить издание запрещенной к продаже по вы-

сочайшему вашего императорского величества повелению книги: «Азбука социальных наук».

Распространение тайными путями этой и подобной ей книг составляет специальное занятие одной части лиц, участвующих в организации. III-му Отд. собственной вашего императорского величества канцелярии было известно заранее, что в предвидении возможности запрещения названного сочинения, 800 экземпляров его были припрятаны. Другое сочинение, подвергшееся в нынешнем году судебному приговору, тем не менее распространяется в большом числе экземпляров, и готовятся к изданию еще другие тенденциозные сочинения. Собираются деньги, вербуются лица, завязываются сношения между городами и заграницею, происходят правильные собрания, которые в силу тщательно обдуманной организации никогда не бывают очень многолюдны и тем самым не возбуждают внимания полиции; словом, работа идет весьма деятельно. Этой работе III Отд. собств. вашего императорского величества канцелярии противопоставляет свою, и наблюдения его в настоящее время привели к собранию обильных материалов и фактов, хотя не имеющих силы юридических доказательств на суде, даже *не удобныхъ к оглашению пред судом* [1]), но дающих нравственное убеждение не только в самом существовании орга-

[1]) Курсив мой. А.

низации, но и в том, кто именно суть лица, непосредственно руководящие делом.

Так, например, III Отд. приобретает прямо от этих лиц распространяемые ими книги по уменьшенной цене, по которой продаются учащейся молодежи; оно имеет много указаний на места, где находятся тайные склады книг и бумаг, и проч.

Но уверенное в то же время и в том, что почти невозможно найти письменные улики, которые с юридической точки зрения констатировали бы какие-либо преступные действия, кроме разве такие, как хранение запрещенных книг, за которое закон определяет весьма малое наказание, III Отд. собственной вашего императорского величества канцелярии недоумевает, до каких пределов оно, оставаясь зрителем, должно допустить развитие организации, которая с каждым днем увлекает в свои сети новые жертвы». «20 ноября 1871 г.».

На полях копии доклада, наверху, прибавлено Левашовым: «Кроме того, было доложено мною, что производимый в настоящее время обыск не может принести желаемой пользы, пока не будет разрешен вопрос, как поступать с лицами, составляющими эти кружки, которые не могут быть преследуемы обыкновенным законным порядком.

Его величеству угодно было повелеть отложить разрешение этого вопроса до возвращения графа Шувалова.

Подписал генерал-адъютант Левашов. 20 ноября 1871 г.» [1]).

Вернулся из отпуска граф Шувалов, сам шеф III Отд. 29 ноября 1871 г. он входит с докладом на высочайшее имя. Доклад этот—обстоятельный отчет о том, что сделано III Отд. в деле, возникшем по поводу «Азбуки соц. наук».

Московские обыски бросили яркий свет на движение русской молодежи и раскрыли окончательно глаза III Отд. (см. Дело № 65, 1871 г.). Оказалось, что движение молодежи не представляет собою *только* брожения неоформленных, ищущих еще приложения сил—нет! смутное брожение, несознанные порывы отлились уже в определенные, твердо кристаллизовавшиеся идеи, принципы — *в программу*. Программа дает руководящие начала практической деятельности настолько широкой и многообещающей, что повелительно требует объединения и сплочения сил: *планомерности* действия. А это предполагает обязательно наличность направляющего и координирующего все действия *центра*. Одним словом, это предполагает *организацию*. И такая организация оказалась, хотя пока еще в состоянии возникновения, построения. Центр ее—Петербург, а именно: кружок или группа Натансона-Чайковского, с его

---

[1]) Дело № 185, эксп. 3.

филиальными отделениями в Москве, Харькове, Одессе и других крупных центрах. Но направляет не только этот кружок, но нечто гораздо более крупное и грозное: это—«Международное товарищество рабочих» с его русской секцией. Оттуда-то именно и распространяются новые идеи о «демократическом социализме и федеративной республике», оттуда-то и идут указания, директивы, девизы и лозунги,—одним словом, программа и тактика.

А это уже для «престола и отечества»—факт капитальной важности. Против этого надо бороться чрезвычайными мерами, а для этого необходима *полнота* власти, необходимы быстрые и решительные действия для пресечения *возможных* преступлений, чего не всегда можно достигнуть тяжеловесными судебными установлениями. Поучительна эта, даже в высочайших докладах прорывающаяся, глубокая, почти физиологическая антипатия III Отделения к нашей магистратуре. Это—неприязнь произвола к законности, хотя бы лишь формальной, неприязнь умирающего бюрократического режима к зарождающемуся правовому порядку вещей... III Отделение, одним словом, требует диктатуры: должна быть усилена административная власть его, усилена и расширена сфера административного усмотрения и воздействия, в многообразных его проявлених, а особенно администра-

тивной ссылки, *с фактическим* лишением насущных, неотъемлемых гражданских прав. «Суд скорый, праведный и милостивый» должен умолкнуть.

Какая же участь постигла лиц, привлеченных по «книжному делу»? Марк Натансон, глава кружка, сослан в Архангельскую губ. в административном порядке, туда же сослан и главарь московских кружков, А. Пругавин, остальные причастные к этому делу лица отданы под тайный надзор полиции. III Отд. в своем докладе гордо заявляет, что «организованная торговля посредством тайной книжной торговли окончательно уничтожена, ибо уничтожение ее в Петербурге неминуемо повлечет за собою исчезновение ее во всех других местах». III Отделение торжествует. Высочайшая резолюция на докладе лаконически гласит: «Высочайше разрешено исполнить согласно соображению». 30 ноября 1871 года». III Отд. добилось своего: гром победы раздавайся! [1]).

Теперь очередь за Флеровским. Надо его убрать во что бы то ни стало, и третьеотделенский сыскной аппарат заработал интенсивно и во всех направлениях. Ближайшая цель — доканать Флеровского во что бы то ни стало. Предписывается строжайше следить за каждым его шагом, каждым буквально движением его и попутно за

---

[1]) Дело № 185, 3 эксп. 1871 г. А.

женою его, с кем знаком, кто у него бывает, куда и зачем выезжает и т. д., и т. д. Особенно предписывается зорко следить за его выездами в Петербург или Москву; каждый раз телеграфировать загодя жандармско-полицейским железнодорожным властям об этом, задерживать Флеровского и, составив акт (протокол), направить последний в судебном порядке. (Впрочем, впоследствии III Отд. отменило это последнее, находя, очевидно, неудобным для себя впутывать в это свое, *домашнее*, дело, магистратуру: вынести на свет свои сокрытые в тайниках III Отделения дела — значит скомпрометировать себя). И вот местные власти зашевелились, и посыпались с разных сторон «секретные» донесения, доносы, клеветы, в перемежку со всякого рода сплетнями и пересудами провинциального свойства, так что читая их, не знаешь—негодовать ли, или смеяться. Особенно после приказа шефа III Отд., гр. П. А. Шувалова, «чтобы жандармские офицеры, как в Новгороде, так и по линии Николаевской ж. д., усугубили наблюдение за Берви, на что им дается еще 6 недель (раньше было назначено 3 недели. А.), с тем, что если кто-либо уличит Берви в поездке в Петербург или Москву, то он (т. е. граф. А.) поставит это в особую услугу». Это начальственное поощрение, конечно, усугубило рвение жандармов. Особенно в этом отношении выделился на-

чальник новгородского губернского жандармского управления, Жолобов. Этот джентельмен умудрился в течение *одного и того же дня* прислать в III Отделение *четыре* донесения. И донесения эти особенно ценятся III Отделением, которое кладет их нередко в основу своих докладов и как руководящее начало своих распоряжений по отношению к Берви. *Первый* доклад Жолобова в III Отделение относится еще к 1871 году, датирован 6 декабря за № 216 и помещен в деле № 56. Тогда о Берви-Флеровском в III Отделении было мало еще сведений, и необходимо было, прежде всего, узнать, где он живет и что он делает. И вот Жолобов выступает с подробным рапортом, в котором раскрывает всю подноготную Берви. Жолобов велеречив и с претензиями на красноречие, своеобразно полицейско-жандармское, но он—увы! очень безграмотен и безалаберен в изложении, и эти ужасные погрешности в орфографии и пунктуации, в связи с несуразным его стилем, крайне затрудняют чтение его донесений вообще, а *первого*—в особенности. Тем не менее он дает много фактического материала, правда, порою почерпнутого из вторых и третьих рук, но в результате—он осведомленный и опытный сыщик. Он утверждает даже в своем первом донесении, что он многое узнал со слов самого Берви. Доклад Жолобова начинается с

меланхолической присказки: он-де «первоначально не подозревал о существовании в губернии подобной личности, во первых, потому, что громадная территория Новгородская, превосходящая пространством даже некоторые королевства Европы, отнимает всякую возможность своевременно узнать о появлении какой-либо личности, во вторых, не получая сведений о преступниках других губерний, получивших позволение жить в империи, выключая столичных городов, не всегда можно остановить внимание именно на том лице, которое, по прошедшей противоправительственной своей деятельности, в полном смысле достойно этого внимания». Это—присказка, а сказка—впереди. А в сказке, между прочим, стоит: «я встречал Берви четыре раза в Новгороде весною и по одному *инстинкту* [1]) предположил собрать о нем более подробные сведения...»

Оказывается, что Берви живет не в Новгороде, а в Любани и «без всякой должности», и это «бросилось еще в глаза и привело розыскания его к следующим результатам, если они только не лишены вероятия...» И вот начальник новгородского губернского жанд. упр. Жолобов сообщает все то, что известно уже о Берви по делу его 1862 г., когда он был сослан в Астрахань, а потом в Си-

---

[1]) Курсив мой. А.

бирь. Изложение сбивчивое, путанное, да еще с придачей специфически-жолобовского привкуса:— «я осведомился по дознаниям, что Берви играл роль одного из видных деятелей в революционной агитации на Волге и если бы полковник Зарин сделал обыск у него первого, а не у Калиновского, то у Берви нашлись бы факты, можно сказать, весьма животрепещущие, что он, впрочем, успел сжечь, пока производился обыск у Калиновского и Даненберга...». Затем Жолобов переходит к современности. Берви женат, жена его часто ездит в Петербург, где живет мать ее, по фамилии Ферстер. И далее: — «Понимая Берви, как человека без собственных средств, я остановил невольное внимание на том, какие он имеет источники жизни, и откуда эти источники притекают к нему. По дознаниям, собранным мною, оказывается, что он отчасти занимается ходатайством по делам, а преимущественно литературой. Адвокатура его, как кажется, какого-то свойства сомнительного, что можно видеть из следующего примера: в конце ноября месяца Берви приезжал в Новгород для защиты в мировом съезде крестьянина деревни большие переходы (Большие Переходы? А.), по делу о нанесении ему оскорблений становым приставом, состоящих в том, что последний по приговору сельского схода высек крестьянина розгами...» Далее Жолобов вдается в юридический

анализ, что дело это неподсудно совсем компетенции мировых учреждений, и что Берви затеял это дело по двум-де мотивам: 1) показать, что есть возможность бороться с администрацией путем суда, так как-де деятели нового судопроизводства видимо стараются теперь занять в обществе первое место; 2) чтобы дать понять, что крестьянину трудно теперь искать где бы то ни было правосудия». Затем Жолобов дает характеристику литературной деятельности Берви, много говорит об «Азбуке соц. наук», о предполагаемом Берви выпуске сборника по современным вопросам, состоящего из трех частей: 1) Толки прессы по Нечаевскому делу, 2) Школа и 3) Философия податей; много говорит о «книжном деле», об организации его, о своих соображениях по этому поводу. Все сбивчиво, путано, но жандармско-сыскной нюх верно выводит его туда, где собака погребена: *организация есть*. Берви солидарен с нею, но все это трудно уловить... III экспедиция оценила это обстоятельное донесение по достоинству: оно вошло, с некоторыми чисто редакторскими поправками, почти целиком в доклад управляющего III Отд. главному начальнику, гр. П. А. Шувалову.

А доносы летят и летят, но рекорд побивает начальник новгородского губернского жандармского управления Жолобов. Он положительно

неутомим и следит по пятам Берви и всех его знакомых, называя их по фамилии, с точным установлением их службы, профессии и почти неуловимых оттенков их отношений к Берви: один из этих знакомых, Шульгин, например,—брат издателя журнала «Дело»,—он-де является посредником между Петербургом и Берви, исполняет его поручения и т. д., и т. д. Ему «достоверно» известно, что Берви выезжал в Москву, хотя начальник московского губернского жандармского управления и железнодорожные полицейско-жандармские власти категорически отрицают это. Он подает мысль управляющему III Отделением, что необходимо сфотографировать Берви и карточки переслать на главные железно дорожные станции в Петербурге и Москве, — в противном случае легко просмотреть приезд Берви в столицы, легко потерять след его... В донесении своем от 17 февраля 1871 года, дело № 56, эксп. 3, Жолобов пишет:—«У Берви гостил какой-то Иван Никитич Трубников, знакомый г-жи Ферстер (матери жены Берви), под видом защитника последней в иске ее в Старой Руссе, куда будто он собирался ехать, но не поехал. (При этом сообщается подробный адрес Трубникова в Петербурге). Затем сообщается, что «в скором времени Берви получил из Петербурга письмо от издателя Надеждина с уведомлением, что Трубников будто посланный из

III Отделения е. и. в. к. и потому, чтобы в разговоре быть с ним осторожным». Далее Жолобов доносит: — «... получил другое сведение, которое, если только оно справедливо, то может достаточно уличить Берви в его вредной деятельности». Дело вот в чем.—«Натансон, состоящий под надзором в Шенкурске, получил от Берви письмо собственноручное «*окольным путем*». (Подчеркнуто у автора донесения. А.) за подписью Флеровского, как он известен в литературе, удостоверенное тремя подписями—Поляковым, Надеждиным и Чайковскимъ.—В письме, между прочим, говорится, что предъявитель его есть один из лучших представителей нашего кружка и лучший деятель наших предприятий»...

В заключение Жолобов доносит, что «на-днях, то есть: 15 или 16 числа, приехали из Петербурга две какие-то личности для свидания с Берви, но остановились они не в Любани, а в Помераньи у Шульгина, куда был вызван письмом своей жены»...

В тот же день Жолобов шлет управляющему III Отделением *еще два* донесения, за №№ 44 и 46. В донесении № 44 Жолобов сообщает, что задержка в издании вышеупомянутого «сочинения—сборника» Флеровского: 1) толки прессы по нечаевскому делу, 2) Школа и 3) Философия податей произошла от того, «что будто Поляков, маскированный издатель этих произведений, осве-

домился от кого-то из цензоров, что, по настоянию сильной власти, означенных произведений пропустить нельзя, а потому ему был дан совет изменить название статей и затем представить их для пропуска, вследствие чего сочинение это озаглавлено теперь: «четыре вопроса и четыре ответа» под вымышленной редакцией Чернышева. В донесении № 46 стоит: — «вместо запрещенных листков, газета «Неделя» приготовляет сборник, где будут помещены три статьи Берви без подписи, между прочим одна, под названием «*Современный Вавилон*», весьма возмутительного свойства по своим тенденциям, где все очень удобопонятно для умеющих читать между строк...» (На полях карандашем написано:—«Из этих трех донесений (№№ 43, 44 и 46. А.) составить простую докладную записку»). И действительно такая записка для шефа и товарищей шефа III Отделения составлена 22 февраля 1871 года. Любопытно заключение: — «Об упомянутом выше изменении заглавия сборника предупреждается Главное Управление по делам печати». А на самой записке на полях размашистым почерком, очевидно, гр. Левашева карандашем написано:—«Имеет ли он (т. е. Берви. А.). право быть в Помераньях? и зачем там не задержали его вследствие особенного о нем распоряжения? 25 февраля». Контр-ремарка карандашем же характерным бисерным почерком сыскно-

идейного вдохновителя III Отделения, Шульца: — «Представляется доклад, в котором изложены те ограничения, которым Берви подвергнут со времени освобождения его от надзора. 25 февраля».

А Жолобов доносит и доносит. В донесении своем от 4 марта 1872 г. № 55 [1]) он извещает: — «... мне было известно пребывание Берви в Новгороде и за связью его с Кучуком, установлено надлежащее наблюдение; из Новгорода 2 числа в 10 часов вечера выехал в Чудово, где много времени проводил у Дементьевой, на квартире которой в это время были Шапиро, Линев, переведенный из Вологодской губ., его отец и другие. Дементьева-де передала Берви «несколько посланий» для Ткачева и что Берви собирался будто лично доставить их в Петербург» [2]).

Интересно отношение Жолобова еще 1871 года, от 23 января, № 11, дело № 56. Он доносит: —

---

[1]) Дело № 56. А.

[2]) Шапиро, близкий знакомый Натансонов. Зимою 1877—78 года приехал в Петербург, где я и познакомился с ним на квартире семидесятницы и близкого друга Ольги Шлейснер-Натансон—С. Н. Лавровой. Шапиро ревностно посещал тогдашние митинги, организуемые землевольцами в Петербурге, и обещал нам, в качестве земского врача, всяческое содействие в наших начинаниях в деревне. О каком Линеве доносит Жолобов—не ведомо мне, во всяком случае он — не наш землеволец, Иван Логинович. Может быть, брат последнего—Александр. И это сомнительно. А.

«препровождаю образчик произведения Берви, в стихах, где он так сказать пред друзьями своими исповедуется (? А.) в своей противоправительственной политической деятельности». «Произведение в стихах»—частушка, действительно принадлежащая перу Берви. Он написал ее экспромтом, когда сидел в Казани в казематах, в ожидании ссылки в Сибирь. Заглавие этой частушки—«Несчастная угодливость», написана она на память подруге жены Берви.

Как она попала к Жолобову? где он ее выкопал? Ведь написана она была Берви еще в 1864 г... Вот она, эта частушка!—

НЕСЧАСТНАЯ УГОДЛИВОСТЬ.

ЧАСТУШКА.

Угодить я государю
Весь свой век старался,
Но куда я ни ударю,
Всюду обрывался.
Он моргнет — за ним я всюду
Тотчас поспеваю.
Прежде всех на месте буду,
Все я исполняю.
Он сказал свое нам мненье,
Надо нам теперь учиться,
И в народе просвещенье
Пусть распространится.

Я же тотчас за студентов
Стал тогда вступаться
И хотел, чтоб не мешали
Им здесь умножаться.

За такую ревность к делу
Я лишился места,
Мне прикладами все тело
Обратили в тесто.

Я тогда в воскресных школах
Обучать пустился
И старался что есть мочи,
Чтоб народ учился.

За такое поведенье
Меня отослали
В дом рабочий для смиренья,
Месяц там держали.

Но тогда узнал я кстати,
Что наш царь державный
Поощрял дворян Российских,
Сделать подвиг славный.—

Я услышал, что Тверские
Многие дворяне
Захотели, чтоб землею
Разжились крестьяне.

Я душой к ним прилепился,
Но за это—что же—
В сумасшедшем очутился,
Господи ты боже.

Но когда узнал я снова,
Что наш царь желает
Возвратить народу в руки
Все, что подобает.

Чтобы голод и морозы
Не морили мором
И не делали народа
Нищим или вором,

За голодных земледельцев
Я тогда вступался,
За такое покушенье
В каторгу попался.

И тогда из царских уст
Услыхал уж лично,
Что свободу дать полякам
Очень нам прилично.

Я свободы для поляков
Много добивался
И за это меня повесить
Муравьев поклялся.

Угодить я государю
Весь свой век старался,
Но куда я ни ударю,
Всюду обрывался.

Мы исчерпали в существенном донесения Жолобова III Отделению, касающиеся Берви и послужившие материалом, как увидим, для привлечения Берви к дознанию. Мы можем сказать Жолобову: «Мавр выполнил свой долг, мавр может убраться»: мы больше за сведениями к нему обращаться не будет.

Но остаются еще другие «мавры», не дающие покоя Берви... Забил тревогу новгородский губернатор: Берви - де действует растлевающим

образом на местное население, сеет смуту среди крестьян, а потому ходатайствует пред М. В. Д. о необходимости удалить Берви из пределов, граничащих с новгородской губернией. М. В. Д. Тимашев в отношении своем от 8 февраля 1872 г. за № 347 (Д. № 56, 3 экс.) доводит об этом до сведения III Отделения. На докладе шефу жандармов помечено: «повременить с ответом». Но ни губернатору, ни М. В. Д. не терпится, и последний в отношении своем от 15 марта 1872 г. за № 648 снова обращается с запросом в III Отд. по поводу «предосудительных действий» Берви. На это последовал, наконец, ответ товарища шефа, Левашова:—«... на Берви уже обращено особенное внимание, и его сиятельство гр. Петр Андреевич в непродолжительном времени войдет по этому предмету с вами в сношение». (См. отпуск с отношешения «совершенно секретного» ген.-адъютанта, гр. Левашова от 25 марта 1872 г. за № 579, дело № 56).

Берви не выселили из Любани. Это не входило в планы III Отделения: паук никогда не выпускает добровольно мухи из паутины. Слежение усиливается, к Берви во едину от суббот является пристав и требует от него предъявления паспорта, что возмущает даже жандармских властей. Положение Берви становится все более и более невыносимым, и он пытается как-нибудь вырваться из

пут III Отделения. И вот Берви 29 марта 1872 г. обращается к Шувалову во *второй* раз с прошением о дозволении ему жить в Петербурге [1]). Он мотивирует свою просьбу невозможностью найти работу в глуши, где он живет теперь, крайней материальной нуждой, а на руках—больная жена и 4 детей. Заканчивает он письмо так:—«я не был судим, против меня не было достаточно сильных доказательств, чтобы предать меня суду. С начала марта 1862 года, т. е. со времени моего ареста, прошло уже более десяти лет, неужели этого недостаточно, чтобы смыть следы политического подозрения по такому действию, которое не заключает в себе даже какого-либо из преступлений, поименованных в уложении о наказ. и не могло быть подведено ни под одну статью уголовных законов?» [2]).

Берви решается переехать «на дачу» в Финляндию, где он поселяется в Новой Кирке. Не в даче тут, конечно, дело, а привлекает его близость Петербурга, но он оставляет за собою квартиру в Любани, как бы желая этим усыпить бдительность ищеек. Напрасно. Как только установлен его переезд в Новую Кирку, немедленно те-

---

[1]) *В первый* раз он обратился с такой же просьбой в 1871 г., но ему было отказано. А.

[2]) Резолюция: — «Приказано оставить без последствий». «4 апреля 1872 г.». Дело № 56. 3-я эксп. А.

леграммой III Отделение извещает начальника жандармского полицейского управления Финляндских железных дорог Берга и всех подведомственных ему полицейских жандармских чинов железной дороги Берг даже лично явился к Шульцу, с которым долго совещался. Не к добру это. Вскоре экстренно командируется в Новую Кирку «опытный наблюдатель»; он поселяется в Новой Кирке в достаточно далеком от Берви расстоянии, чтобы не вызвать со стороны последнего подозрений, но все-таки наблюдательный пункт выбран так удачно, что агент из окна своего дома может видеть всех тех, которые приезжают и уезжают от Берви, а также малейшие передвижения самого Берви не могут от него ускользнуть. Третье Отделение льстит себя надеждою, что агенту может быть удастся и завязать личное знакомство с Берви. Агент не оправдал совсем надежд, возложенных на него III Отделением, как это видно из смехотворного «Списка приезжавших к Берви и уезжавших от него, начиная с мая 1872 г. по 15 марта 1873 г.». Список этот представлен в III Отделение за подписью начальника жандармского полицейского управления Финляндских железных дорог, полковника Берга, и помечен 15 апреля 1873 г. Вот образчик записей этого «опытного агента», наугад выбранных из длинного «списка».

«1872 г. 4 мая. Г. Берви провожал с Ново-Киркской железно-дорожной станции одного господина, уезжавшего в Петербург».

14 мая. Г. Берви провожал с той же станции уезжавшего в Петербург господина лет 45, с большой русой бородой, ростом два аршина и 6 вершков.

20 мая. Г. Берви провожал с той же станции уезжавшего в Петербург господина лет 35, с сухощавым лицом и небольшой черной бородой, ростом 2 аршина и 5 вершков.

10 июля. Г. Берви провожал со станции уезжавшего в Петербург господина сухощавой наружности, с небольшой рыжей бородой, ростом в 2 аршина и 6 вершков.

1873 г. 11 марта. Г. Берви приехал из Петербурга и 12 встретил 2-х господ из С.-Петербурга, которые уехали обратно 15 марта. Один из них лет 25, белокурый, с небольшой русой бородой и усами, глубокими глазами, ростом 2 аршина 8 вершков. Другой лет 22, смуглый, с черными волосами и карими глазами, бороды и усов не имеет; ростом 2 аршина и 6 вершков».

И т. д., и т. д., все в этом роде [1]). На «списке» помечено карандашем:—«Если не полезные сведения, то, по крайней мере, показывают, что есть

---

[1]) Всех помеченных посетителей 12 человек. А.

наблюдение. Интересно тут то обстоятельство, что рост посетителей определялся даже вершками».

Вы юморист, достопочтенный г. Шульц! а мало с вас разве тех многочисленных и, полагаю, несомненно уж весьма «полезных» сведений, которые вы за это время получали непрерывно от своих верных ищеек о Берви (и его жене), когда он уезжал в Петербург или возвращался оттуда? ведь вам с точностью хронометра определяли часы и минуты отъезда и приезда, прослеживали с удивительной точностью весь маршрут вплоть до остановки на такой-то улице и в таком-то доме и части Петербурга. Мало того. Загодя об этом предупреждался Pontifex maximus сыска: начальник петербургского губернского жандармского управления, сам г. Бирин!..

Но Берви, видимо, не унывает: он находит время и между делом проскакивает в Любань. Туда «*толпами* к нему приходят увечные физически и нравственно, первых он лечит, а со вторыми пускается в рассуждения... [1]). (См. отпуск с отношения III Отд. от 4 января 1874 г. № 34), корпуса жандармов Познанскому!). Не в бровь, а в самый глаз, г. Познанский! Прозевали дичь!..

А III Отделение уж щелкает зубами, хищник

---

[1]) Курсив мой. А.

во всеоружии: два-три прыжка—и лакомая добыча в железных лапах. А уйти Берви от хищников не было никаких шансов: он был окружен железным кольцом «внешних наблюдателей»—гончих, разного чина и ранга, и «внутренних». В Новой Кирке III Отделение поместило в семье Берви горничную,—правда, не надолго: ее раскусили и рассчитали,—но и за короткое время она успела напакостить Берви [1]). Она донесла в III Отд., что... «в первых числах июля 1873 г. к Берви в Новую Кирку приезжала Перовская, Ободовская и Чемоданова, которые провели там целый день в письменных занятиях под диктовку Берви, что последний разговаривал с ними, как с своими детьми, называл их «детьми первого революционера в России», при чем выражал надежду, что они не выдадут его правительству (?А.); что Ободовская и Чемоданова приезжали еще несколько

---

[1]) В своих показаниях прокурору петерб. судебн. палаты, когда жандармско-прокурорское дознание завершилось и перешло во вторую уже стадию—к министру юстиции,—Берви называет двух представительниц прекрасного пола, совращенных тридцатью серебренниками III Отделения, пытавшихся свить себе гнездышко в его доме, ради для пользы «престола и отечества», т. е. третьеотделенского режима. Но после изгнания первой «наблюдательницы», вторая держалась лишь на почтительной дистанции от семьи Берви, ограничиваясь больше инстинктом, нюхом и языком, т. е. гнилыми и вонючими сплетнями и всяческими наветами. А.

раз к Берви, привозя с собою запрещенные книги, и в том числе «Бунт рабочих во Франции». (?А.). Из этого же надо полагать мутного источника III Отделение черпало сведения, что Берви посещали такие «неблагонадежные» личности, как учитель Хазов, Смитен и другие знакомые Натансона. Кстати. От Натансона я слышал не раз, что Берви-Флеровский в-серьез любил говорить и называть себя «первым революционером в России». Слух молодой клиентки III Отд. был во всяком разе довольно острый, а может быть стены палаццо нашего аскета—Берви были уж очень тонки... Может быть. Во всяком случае эти факты, переданные «наблюдательницей», были очень ценны для III Отд. и целиком, как ниже увидим, вошли в дознание жандармское. От этой же девицы третьеотделенской пришло первое известие, что Берви с семьей переезжает в Нижний. И когда начальник I отделения жандармско-полицейского управления донес 28 июля 1873 г. № 74, что Берви с семейством прибыл накануне на станцию Петербург (см. дело № 56), то III Отд. *в тот же день* шлет два приказа: начальнику нижегородской губ. жанд. управления за № 2714 и корпуса жандармов Кореневу за № 2175; в приказах стоит:—«...писавший под псевдонимом Флеровский, автор сочинений «Положение рабочего класса в России» и «Азбуки социальных наук», предпола-

гает отправиться из Финляндии сперва в Рыбинск, а оттуда в Нижний Новгород, где, повидимому, намерен поселиться; следить за приездом Берви в Нижний и по прибытии его иметь за ним самое строгое негласное наблюдение, обратив внимание на то, с кем он сообщается и *не заметно ли будет с его стороны стараний сблизиться с рабочими и вообще простонародием...»* [1]) (См. дело № 56, отпуск с отношений III Отд. к названным выше представителям третьеотделенского ведомства).

По дороге, действительно, глаз, так сказать, не спускали с Берви: в том же поезде до Рыбинска его «охранял» жандармский унтер-офицер (см. донесение начальника петербургского отделения жандармско-полицейского управления железных дорог от 31 июля 1873 г. № 826 и начальника финляндского жандармского управления от 27 июля. Там же).

8 августа 1873 г. за № 205 начальник нижегородского губ. жандарм. упр. Коптев доносит: «...Берви прибыл в Нижний-Новгород из Рыбинска на пароходе общества «Дружина», где он получил бесплатный билет, остановился у некоего Ив. Петр. Кучина... Директором пароходного общ. «Дружина» состоит Мих. Ив. Шипов. Берви и

---

[1]) Курсив мой.

Шипов старые знакомые и, повидимому, в хороших отношениях [1]).

В дополнительном своем донесении от 12 августа 1873 г. № 207 Коптев извещает: «Берви определился для занятий в конторе пароходного общества «Дружина» и ежедневно туда ходит». На полях синим карандашем помечено:—«Необходимо лично переговорить с К. Ф. Филиппеусом». «16 авг. 1873 г.» Это не спроста.

Филиппеус—опытный организатор сыска. Материал накопился, грозовые тучи над головою Берви все сгущались и сгущались...

17 августа Коптев доносит:—«...Берви ежедневно из своей квартиры отправляется в свою контору, живет весьма скромно». (См. донесение за № 211, дело № 56) [2]). А 23 августа 1873 г. Шульц уведомляет Коптева, что гр. Николай Васильевич (Левашев. А.) просит-де его пожаловать в Петербург для личных объяснений с его сиятельством по делу Берви (см. отпуск с отноше-

---

[1]) На полях карандашем:—«Прошу разузнать, кто директор, по распоряжению которого дан был ему даровой билет. Кто такой Ив. Кучин?» (Дело № 56. 3 эксп.). Переезд Берви, повидимому, встревожил III Отделение: кроме приведенной надписи имеется еще на полях *подчеркнутое* символическое: «*Д. Е. В.*» («доклад его величеству»). А.

[2]) На полях:—«Желаю видеть генерала Коптева—прошу вызвать». 22 авг. 1873 г. А.

ния от 23 августа 1873 г. № 2450, дело № 56). О чем Отд. совещалось с «генералом Коптевым»— про то знают III Отд. и Коптев, а равно и толстые стены «Белого дома» у Цепного моста.

Но злой умысл здесь был несомненен, и это вполне вскрывает «высочайший доклад» III Отделения от 16 сентября 1873 г.

В докладе стоит:—«Убедившись в участии хотя и скрытом известного вашему величеству Берви, я привлек его к делу о прокламациях. *Обставить его виновность юридически едва ли будет возможно, но я полагаю воспользоваться этим случаем, чтобы применить относительно его административную меру*» [1]).

Вслед за тем III Отделение телеграфирует в Нижний Коптеву:—«Вам будет телеграфировать Бирин (начальник петерб. губ. жанд. управл. А.), исполните его требования в точности. 30 сентября 1873 г.». А Бирин телеграфировал:—«Сделать обыск у Берви, составить протокол и отправить в Петербург, как обвиняемого в проведении идей социально-демократических между простым классом народа». Все было исполнено в точности. Обыск был произведен у Берви в ночь с 30 сентября на 1 октября, бумаги и книги опечатаны. «Берви и

---

[1]) На докладе царем написано карандашем:—«*будет не лишнее*». Дело № 414, т. 5. 3 эксп. 1873 г. Курсив принадлежит мне. А.

жена его,—докладывает Коптев в своем донесении в III Отделение,—были совершенно покойны при обыске, не обнаружили никакого смущения...» (См. донесение нач. нижегор. губ. жанд. упр. от 1 октября 1874 г. № 251, д. № 414). В Петербурге Берви сдан жандармским конвоем, состоящим из двух унтер-офицеров, в распоряжение Бирина, поместившего Берви в № 1 здания у Цепного моста (см. донесение начал. петерб. губ. жанд. управления от 3 октября 1873 г. № 21 д. 414).

И началось дознание. Потянулись унылые, однообразные, сумрачные дни и ночи одиночного заключения. Допросы, насквозь пропитанные «белой психологией», по меткому выражению нашего сатирика Щедрина-Салтыкова, глубоко оскорбляли благородную и чуткую натуру Берви. Его глубоко ранили грубый кулак представителя III Отделения и бесхарактерная, безвольная податливость представителя магистратуры—прокурора. Ни тени законности, правомерности: грубая расправа, кулачное право, обнаглевшее и обесчеловеченное... Показания Берви в высокой степени характерны: идеалист до мозга костей, он проявляет такую эластичность, практическую изворотливость, неуловимость, что ставит в тупик своих следователей.

Его громадная юридическая эрудиция и жизненный опыт—«уроки жизни»—выручают его.

К нему были предъявлены следующие обвинения: 1) во время пребывания в Любани на Николаевской железной дороге, в 1870—71 годах, Берви старался сблизиться с простым народом, в среде которого распространял вредные политические и социальные идеи; 2) подобное же направление он развивал между образованными людьми, при чем сведения указывают на то, что во время пребывания его в Финляндии, Берви подготовлял к деятельности пропагандирования в народ антиправительственных идей двух сельских учительниц Ободовскую и Чемоданову; 3) Берви вел скрытый образ жизни, не допускал посторонних в среду своей деятельности и отношений к близким ему людям, как это было видно из негласных наблюдений за ним в течение лета 1873 года». Удивительное обвинение! тяжелая вина! Ни дать, ни взять—Юлий Цезарь у Шекспира:

«Вокруг себя желаю я иметь
Людей лишь тучных с гладкою прической
И ночью мирно спящих. Посмотри,
Как Кассий истощен и худ. Опасны
Такие люди».

Действительно опасны: ведь Берви так худ и изможден, а по ночам не спит, предпочитает уединение, необходимое мыслителю, сдержанность—практическому деятелю. Берви опасен, «опасны такие люди». 4) «Берви приписывалось револю-

ционное стихотворение под названием «Марш наших демократов» и 5) сведения указывали на то, что предыдущая деятельность Берви, во время его ссылки, проникнута была подобными же противозаконным направлением,—характер которого выражался также в напечатанных им под псевдонимом Флеровского сочинениях.

Независимо от того, при производстве дознания, вследствие донесения унтер-офицера дополнительного состава Ярославского жандармского управления Николая Хомякова, было взведено на Берви обвинение «в произнесении оскорбительных слов для особы государя императора и выражении порицания существующего в России порядка управления». Таковы пункты обвинения, формулированные дознанием в Петербурге. 22 декабря 1873 г., за № 231, полковник Бирин извещает Шульца:—«оконченное производством дознание майором Оноприенко об отставном надворном советнике Вильгельме Берви представлено сего числа прокурору С.-Петербургской Судебной Палаты». (См. дело № 414, 3 эксп., т. 5-й).

К какому же заключенню пришло министерство юстиции по делу Берви? Окончательный вывод гласит:—«По сим основаниям и соображениям, за отсутствием в действиях отставн. надв. советника Вильгельма Берви, 44-х лет, признаков преступного деяния, преследуемого законом, я по-

лагаю, что возбужденное о нем дознание следует производством прекратить». Подп. прок. СПБ. суд. пал. Фукс. (См. отношение М. Ю. от 24 января 1874 г. № 1677, д. № 414, т. 5, 3 эксп.).

Камня на камне не осталось от дознания. Допрошенные на следствии не только все категорически опровергали, но наиболее уважаемые свидетели согласно отозвались о Берви, как о человеке благородном, гуманном, оказывавшем безвозмездно огромные услуги окружающему населению своими юридическими советами и помощью, защищая его от неправды и всяческих обид. Так же восторжены были отзывы о «филантропической» деятельности жены Берви. Но III Отд. твердо решило уже не выпускать из своих когтей своей жертвы, а царь-освободитель своим «будет не лишнее», как уже знаем, санкционировал это жестокое насилие. Создается *новое* «дело». Берви привлекается к дознанию по обвинению в сочинении прокламации «Как должно жить по законам природы и правды» [1]).

Поводом для привлечения Берви к новому делу послужили показания двух лиц по делу долгушинцев: Анания Васильева и Татьяны Сахаровой.— «Васильев, чистосердечно сознаваясь в распро-

---

[1]) О связи Флеровского с долгушинцами я более подробно говорю в очерке моем «Флеровский и долгушинцы» «Былое», № 18, 1923 г.

странении прокламаций между рабочими, объяснил, что раз, по возвращении с Долгушиным домой из одной деревни, где они читали крестьянам две прокламации, Плотников спросил Долгушина: «которая прокламация больше понравилась,—твоя или Флеровского (Берви?)» На что Долгушин ответил:—«Флеровского».

Татьяна же Сахарова показала, что Долгушин, Дмоховский, Папин и Плотников посещали в Финляндии Флеровского.

III Отделение решило привлечь к этому делу Флеровского в Петербурге и передало его в распоряжение начальника петерб. губ. жанд. управл. Бирина, хотя дело о долгушинцах находилось уже в ведении московского обер-жандарма Слезкина. По этому поводу между обоими жандармскими ведомствами, московским и петербургским, начались пререкания, в которые впутались и судебные власти—прокурорские — с обеих сторон. Пререкания эти были вызваны вполне законным требованием петерб. жанд. управл., предъявленным к московскому,—о необходимости пополнить не совсем ясные, мало обоснованные показания Васильева. Слезкин стал на дыбы. Как! — от него требовать дополнительного расследования, когда у него все предусмотрено?!..

Васильева-де, по болезни его, допрашивать снова нельзя, да и надобности нет: он с самого

начала дал «добровольно» «искренние вполне показания».

Что же касается остальных обвиняемых,—Долгушина, Плотникова, Папина и друг.,—то они-де с самого начала отказались от всяких показаний по существу и отрицают даже вполне уличающие их факты. Ergo—вся затея петерб. губ. жанд. управл. совершенно лишняя, и Слезкин послал резкий отказ. В дело это вмешался прокурор петерб. судебн. палаты Фукс и потребовал, чтобы петерб. губ. жандарм. управление настояло на своем вполне законном требовании, ибо только повторным, дополнительным допросом обвиняемых, не предрешая вопроса о том, как они отнесутся к предлагаемым им вопросам — положительно или отрицательно, все равно, — «может быть достигнуто желаемое правительством обнаружение правды и устранение всякого вымысла»... Слезкин пришел в ярость и, поддержанный прокуратурой московской судебной палаты, обратился к управляющему III Отделения «с просьбою покорнейшею сделать зависящее распоряжение о доставке Берви в Москву в его распоряжение». (См. отношение нач. моск. губ. жанд. управл. от 16 декабря 1873 г. № 1468, дело за № 414, т. 5, 3 эксп.). И в этот же самый день Слезкин, как он и раньше практиковал это, обращается частным образом к Шульцу с письмом, в котором изливает накипевшие в

нем злобу, негодование и обиды на домогательства Бирина, начальника петерб. губ. жанд. управл. своего достоуважаемого коллеги по сыскной части. А по пути уже задевает ехидно и прокурора петерб. судебн. палаты за суровую отповедь последнего по поводу его, Слезкина, отказа дать дополнительные данные о Васильеве и других долгушинцах, а особенно за дерзкое указание прокурора на законы и ответственность пред законом и правительством. Слезкин резко заявляет, что прерывает всякую дальнейшую переписку по этому поводу, отнюдь не желая обострять взаимные ведомственные отношения, что может-де лишь вредно отозваться на интересах общего дела. Шульц отмечает на этом письме: — «переговорить с полковником Бириным». Положение Шульца щекотливое: надо во что бы то ни стало уладить возникший конфликт между двумя тузами столь близких сердцу Шульца родственных ведомств, к тому же в этот печальный конфликт впуталось еще совсем чуждое сыскному ведомству ведомство — магистратура, повсюду сующая свой нос... В этом же деле имеются две в высокой степени характерные «записки»: письмо *без подписи*, но несомненно принадлежащее Бирину и адресованное «глубоко-уважаемому Александру Францевичу», и собственная пометка последнего, т. е. Шульца. В письме без подписи стоит:—«Прошу Вас глубо-

коуважаемый Александр Францевич, подарить мне несколько дорогого для Вас времени и просмотреть постановления, которые теперь представляю [1]).

Уверен, что при всестороннем обсуждении этого дела у Вас, граф Петр Андреевич согласится, что в этом случае я руководился единственной целью: соблюсти в точности закон 19 мая и не менее того, сохранить самостоятельную деятельность чинам корпуса жандармов при производстве им дознаний [2]).

Прокурор Московской судебной палаты весьма уязвлен предложением, данным Фуксом Оноприенке [3]), и сколько мне известно, находит, что Фукс сделал захват в его правах, и кажется, что обстоятельство это готовится к обсуждению министра юстиции. Манасеин, прокурор Моск. судебной пал., утверждает, что наблюдение за производством здесь дознаний принадлежит ему и за правильностью производства *право* принадлежит

---

[1]) Дело, очевидно, идет о «постановлениях», которые им, т. е. Бириным, были посланы в Московское губернское жанд. управл. и *копий* которых не имеется при настоящем деле (№ 414, т. 5, 3 эксп.).

[2]) По закону 19 мая 1971 г. требуется, чтобы при жандармских дознаниях присутствовал обязательно представитель местной прокуратуры, как олицетворение *законности*.

[3]) *Оноприенко* — жандармский майор, производивший под контролем тов. прокурора Масловского дознание о Берви.

ему же». «17 декабря». — Письмо это очень тревожно, и на письме отмечено карандашем: «доложено графу. 19 декабря».

В записке же Шульца стоит вот что:—«Я уже имел честь докладывать вашему сиятельству, что отставной надворный советник Берви, обвиняемый в сочинении им прокламации «как должно жить по закону природы и правды», привлекается к дознанию, производящемуся в Москве, и что вследствие того Г. М. Слезкин просит о высылке Берви к нему.

Считаю долгом об этом обстоятельстве доложить Вам еще раз письменно, на случай, если бы Вам угодно было довести о нем до высочайшего сведения. «17 декабря 1873 г.» [1]).

Граф Шувалов, не считая, вероятно, нужным довести об этом до сведения «монарха», — ибо никаких следов относительно этого в нашем «Деле» нет, — решил одним ударом разрубить гордиев узел этого досадного инцидента, не входя в разбирательство того, кто первый из милых его сердцу сотрудников уязвил другого, кто первый из них нарушил столь ненавистную ему прокурорскую (судейскую) законность...

Его сиятельство поручил Шульцу передать «*конфиденциально*» Слезкину следующее [2]).

---

[1]) На полях вверху помечено: «д. е. в.». «18 декабря».

[2]) Из «конфиденциального» письма Шульца к Слезкину.

1) «Что в настоящее время привлечение надв. сов. Берви к дознанию о составлении и распространении воззваний едва ли может быть признано нужным.

Мнение свое по этому предмету граф основывает как на передаче означенного дознания члену Московск. Суд. Палаты Крахту, для производства предварительного следствия, так и на том, что возбужденное здесь против Берви дознание окончено и, через прокурора С.-Петербургской Судебной Палаты, представлено г. министру юстиции, от которого оно поступит к шефу жандармов на заключение».

2) «Последнее дознание *было начато с намерением так или иначе положить конец той вредной деятельности Берви, которая в наших глазах уже давно не подлежит сомнению, — то-есть имелось в виду приобрести повод к административному распоряжению относительно Берви в случае, если бы не оказалось данных для преследования его в судебном порядке. — Таких данных дознание не раскрыло; но первый способ действий может вступить в силу и тем граф Петр Андреевич считает свою цель достигнутою. Если же, по ходу следствия, действительный статский советник Крахт признал бы нужным привлечь Берви, то административное распоряжение, имеющееся в виду в отношении к последнему, конечно,*

к тому не составит препятствия [1]). По поручению его сиятельства имею честь покорнейше просить ваше превосходительство в дальнейших ваших действиях руководствоваться изложенными здесь взглядами». Подписал: «А. Шульц». (См. отпуск с письма Слезкину от 24 декабря 1873 г. № 3951, дело № 414, т. 5, 3 эксп.). Это «конфиденциальное» письмо — шедёвр третьеотделенского цинизма. Шувалов показал подлинное свое лицо, дальше идти уже некуда. Во всяком случае, этим письмом *ведомственный конфликт был окончательно ликвидирован*: Слезкин, в ответ на это письмо Шульца, сообщает последнему, что дело о Берви только что начато Крахтом, и что никакого распоряжения им пока не сделано, а когда таковое воспоследует, то им, Слезкиным, будет своевременно донесено. Никаких выпадов уязвленного самолюбия, никаких демонстративных требований в пику Бирину. Слезкин удовлетворен: победа,—по крайней мере, *формальная*,—осталась за ним (См. письмо начальника моск. губ. жанд. управл. от 31 декабря 1873 г., за № 1546, № дела 414, т. 5, эксп. 3).

А Берви пока томится в № 1. Но вот 31 января 1874 г. III Отделение получило от прокурора С.-Петерб. Суд. Пал. бумагу такого содер-

---

[1]) Подчеркнуто мною. А.

жания: от прокурора Московской суд. палаты получена телеграмма, в которой высказано «требование препроводить, в возможной скорости, содержащегося под стражею в помещении III Отд. надв. сов. Берви в Москву». (См. отношение прокурора СПБ. суд. пал. от 31 января 1874 г., № 23, д. № 414, т. 5, 3 эксп.). На полях помечено, повидимому, рукой Шувалова: — «Прикажите написать потребные отношения, чтобы Берви мог быть отправлен завтра, 1 февраля».

Приказания Шувалова были исполнены Шульцем с точностью: Берви был 1 февраля препровожден под конвоем на 5-ти часовом поезде в Москву в распоряжение прокурора Моск. суд. пал., при чем «потребные отношения» *в тот же день* были отправлены по адресу тех лиц, которым об этом ведать надлежит, а именно: начальнику петерб. губ. жанд. упр. за № 350, нач. моск. губ. жанд. упр. за № 351 и, наконец, прокурору петерб. судебн. палаты — как *ответ* — за № 352.

Предварительное следствие ведется энергично, следственный механизм, в лице члена московской судебной палаты Крахта, работает безостановочно. Следствие в феврале 1874 года окончено уже. Берви признал, когда ему были предъявлены фотографические карточки, одного Дмоховского, действительно приезжавшего к нему в Финдляндию, но настоящей цели приезда не объяснил. Крахт

признал необходимым, в виду обвинения Берви, составить особое постановление о содержании его под стражею впредь по производства судебного следствия. Берви опротестовал это постановление и заявил, что подаст через прокурора Московской судебной палаты министру юстиции записку о неправильном его арестовании. (См. отношение начальника московск. губ. жанд. упр. от 21 февраля 1874 года за № 259, д. № 414, т. 5-й, 3 эксп.). Как пойдет дальше дело, двигаясь последовательно через установленные законом этапы,— это не особенно тревожит III Отделение. Оно давно уже наметило свою линию тактическую по отношению к Берви.

2 мая 1874 года оно извещает начальника моск. губ. жанд. упр., чтобы оно распорядилось (заметьте: *оно, т. е. жандармерия*, а не судебные власти, и, возможно, *вопреки* каким бы то ни было постановлениям магистратуры) не освобождать Берви из под ареста, впредь до распоряжения о высылке его под надзор полиции в Архангельскую губ. (См. отпуск с отношения от 2 мая 1874 г. № 1268, д. 414, т. 5, эксп. 3).

Как все уже предусмотрено! как все удивительно налажено! Не вырваться уже Берви из железных кулаков Шувалова. Шувалова, правда, сейчас нет в Петербурге, он в Лондоне, изучает, вероятно, свободные учреждения Англии,—нужды нет! остался

его заместитель, тоже сиятельный,—граф Левашов. 7 мая 1874 года он шлет телеграмму в Лондон Шувалову,—конечно, на «хорошем французском языке»: «Palais Buckingham. Général Comte Schouwaloff Demande autorisation suprême *на высылку Берви* aquitte sénat. Comte Lewaschoff [1]). («Испрашивается высочайшее повеление на высылку Берви, который от суда сенатом освобождается. Гр. Левашов»). 9 мая гр. Шувалов телеграфирует из Лондона: «Вы уполномочены выслать известное лицо, возвращу дело из Эмса. Шувалов». На телеграмме пометка карандашем Левашова: «отправить бумаги М. В. Д. и М. Юстиции. 10 мая». И действительно, 10 мая 1874 года были отправлены Левашовым два отношения: за № 1349—министру внутренних дел, а за № 1350—министру юстиции. Содержание этих отношений тождественно по существу, они различаются лишь по форме и тону: первое отношение аттестует категорически Берви, «как личность, давно известную III Отделению по крайней политической неблагонадежности ее и как автора многих весьма вредных сочинений, как, напр.: «Азбука социальных наук» и друг., продолжающую и до настоящего времени свою противоправительственную деятельность».

---

[1]) Слова, написанные *по русски*, подчеркнуты в копии телеграммы красным карандашем. Конспирируют «сыны отечества»... Слова эти в оригинале зашифрованы. А.

А потому он, Берви, «по высочайшему повелению, подлежит высылке под строгий надзор в один из уездов Архангельской губ., что исполнить поручается его прев—ству».

Во втором отношении Левашов излагает результат рассмотрения дела Берви в Правительствующем Сенате: Сенат-де постановил не привлекать Берви к уголовной ответственности пред судом, за недостатком против него положительных улик преступного участия в упомянутом деле. Тем не менее постановление Правительствующего Сената не может не признать того факта, неотразимо вытекающего из анализа следственного дела, что «Берви как личность представляется крайне сомнительною», и императивно «слагается естественное убеждение в известной нравственной солидарности между ним и деятелями пропаганды». Далее Левашов повторяет буквально сказанное в первом его отношении — о крайне вредном литературном направлении Берви, выразившемся особенно выпукло в «Азбуке соц. наук», не дававшей спать джентельменам здания у Цепного моста.

Заканчивается отношение тем, что по высочайшему повелению Берви ссылается в Архангельскую губ., о чем уже, для приведения в исполнение, дано знать министру внутренних дел. Это значит: *факт совершился—и концы в воду.* (См.

отпуск с вышепоименованных отношений в «Деле» № 414, т. 5, эксп. 3).

Но III Отделение еще загодя обеспечило твердое выполнение своего умысла против Берви; уже 7 мая, в день отправления телеграммы Шувалову в Лондон, Шульц телеграфирует в Москву Слезкину: «сделано распоряжение о высылке в Архангельскую губ. Берви (фамилия Берви зашифрована. А.), поэтому прошу *ни в каком случае не освобождать его до получения в Москве предписания министра внутренних дел*» [1]). А 10 мая 1874 года, т. е. на другой день по получении ответной телеграммы Шувалова, летит снова телеграмма в Москву тому же Слезкину: «предупреждаю вас, что министру юстиции объявлено высочайшее повеление о высылке... (следует зашифрованная фамилия Берви. А.) в Архангельскую губернию. Шульц».

Итак, Берви *во второй* раз ускользает от «суда милостивого и скорого», чтобы попасть... в цепкие руки III Отделения, и надолго. И Берви шагает уже по пути на далекий север: «11 мая 1874 года,—как гласит эпически отношение Слезкина в III Отд. от 12 мая этого же года, за № 597,—Берви отправлен в Архангельскую губ., в сопровождении двух жандармов». (См. его отношение в «Деле» № 414, т. 5, 3 эксп.).

[1]) Подчеркнуто мною. А.

Но и в этот роковой для Берви день не обошлось без издевательства и грубого цинизма. 11 мая обратился Берви с докладной запискою в Московское жандармское управление с просьбою или заявлением о том, что, в случае высылки его административным порядком, он бы желал быть отправленным в южную половину России. Записка эта Слезкиным была препровождена в тот же день к прокурору судебной палаты, который возвратил ее обратно Слезкину на его распоряжение. Записку эту Слезкин представил на усмотрение III Отделения, препроводив ее на имя Шульца. (См. отношение Слезкина 18 мая 1874 года, № 621, д. 414, 3 эксп.).

Что это все означает? Неужели только рутинную канцелярщину, с ее мертвыми, безжизненными отписками и прочее, прочее? Разве Слезкин не знал, когда поступила к нему «записка» Берви от 11 мая 1874 г., что Берви *в этот же день* высылается уже в Архангельскую губ., о чем он, как выше показали, уже известил III Отд.? Разве Слезкин не был уже предупрежден телеграмой Шульца от 10 мая, что министру юстиции было об этом уже объявлено, как о решеннном уже факте, «согласно *особому* высочайшему повелению?» Зачем же он отослал эту записку к прокурору? Что обыкновенный прокурор мог сделать, если генерал-прокурор государства ставится пред

совершившимся уже фактом? Это уже не канцелярщина бытовая, а какое-то привычное издевательство над правом и законностью, грубый, в кровь и плоть всосавшийся цинизм, проявляющийся и действующий почти с бессознательностью физиологического рефлекса...

А записка Берви, написанная характерным размашистым почерком, своеобразной орфографией и пунктуацией и ему одной свойственной манерой аргументации, так интересна, что я едва удержался от соблазна привести ее здесь целиком. Но я уж так перегрузил свою работу материалом— и материалом, признаться сухим,—что вынужден отказаться от этого, а ограничусь лишь его заключительными словами, тем более, что первая добрая половина его докладной записки касается исключительно личной, интимной жизни Берви. Он говорит о том, что у него болит: об осиротелой своей семье, разоренной и обездоленной в конец его арестом, о застарелой болезни своей и жены,— словом о том *интимном*, о чем всякому человеку, как *человеку*, порою приходится, против собственной воли, кричать и кричать...

Что же Берви в заключение своего доклада говорит? Вот что. «Такъ какъ цѣль всякаго административнаго распоряженія можетъ быть только удалить меня отъ центровъ общественной жизни, а отнюдь не причинить вредъ моему здоровью или

здоровью моего семейства и такъ какъ съ другой стороны, какъ въ сѣверной, такъ и въ южной половинѣ Россіи есть мѣстности одинаково удаленные отъ центральныхъ пунктовъ, то, можетъ быть, начальство будетъ столь благосклонно и выберетъ для жительства мнѣ мѣсто в южной половинѣ. Я рѣшаюсь просить правленіе имѣть въ виду быстроту, съ которою делаются распоряженія по дѣламъ, подобнымъ настоящему и если оно будетъ столь благосклонно и возьметъ на себя ходатайство по моей запискѣ, то ускоритъ своимъ представлениемъ.

Надворный совѣтникъ В. Берви» [1]).

Он прелестен, этот Берви! К кому вздумал обратиться—к Склезкину, к этому тупому, злобному ненавистнику и преследователю «нигилистов» и «крамольников», для которых на его жандармском жаргоне один эпитет — «негодяи», «мерзавцы»!.. Конечно, «быстрота распоряжений—вполне в духе третьеотделенского «начальства», но она, эта быстрота, *когда и на что* именно пускается в ход? Когда дело идет о скорейшем удушении объекта «быстроты» — столь ненавистной III Отд. «политической неблагонадежности», а Берви—воплощение этой неблагонадежности... Наглядною

[1]) Я оставил орфографию и пунктуацию в том виде, как они у самого Берви в его докладе.

иллюстрацией может, напр., послужить хоть следующее отношение Шульца к начальнику Архангельского губернского жанд. управления от *11 мая* 1874 г., № 1385 (д. 414, т. 5, 3 эксп.).

О чем пишет Александр Францевич своему коллеге? Он пишет о том, что «по *особому* высочайшему повелению, высылается в один из уездных городов Архангельской губ., под *строгий* надзор полиции отст. надв. сов. Вильгельм Берви, *личность крайне неблагонадежная в политическом отношении.*

Покорнейше прошу В. Б-дие учредить за Берви *самое строгое негласное наблюдение* и о том, что окажется заслуживающим внимания немедленно сообщить III Отделению е. и. в. канцелярии» [1]). Когда было отправлено это отношение Шульца? Мы подчеркнули *11 мая* 1874 г., как *раз тогда именно*, когда Берви послал свою записку Слезкину, *в тот самый день*, когда этот Слезкин уведомил Свет-Александра Львовича о высылке Берви в Архангельскую губ... Здесь «быстрота распоряжений» действительно бросается в глаза, оглушает, словно обухом по голове...

Берви назначено было местожительство в Мезени (см. отношение м. в. д. Тимашева от 6 июня 1874 г. № 1382, д. 414, т. 5, эксп. 3), но местный

---

[1]) Курсив мой. А.

губернатор, в виду болезненного состояния Берви, отправил последнего в Шенкурск. Начальник Архангельского губ. жанд. упр. шлет безотлагательно извещение в III Отделение, указывая на то, что «свидетельствовавшие Берви врачи нашли, что теплый климат полезнее его здоровью». (См. отношение названного лица от 22 июня 1874 г. № 83, д. 414, т. 5, эксп. 3). Слова: «теплый климат» подчеркнуты карандашем, и поставлен на полях внушительный вопросительный знак.

В Шенкурске Берви прожил без малого год,— повидимому, относительно сносно, отзывы властей о «поведении» его благоприятны. В марте 1875 года, благодаря ходатайству губернатора пред М. В. Д. и с согласия Потапова, нового шефа III Отд., и в виду необходимости дать детям гимназическое образование, Берви переводится в Архангельск (см. отношение М. В. Д. Тимашева от 7 марта 1875 года, № 728, отпуск с отношения III Отд. к министру от 10 марта 1875 г. № 1027 и отношение начальника Архангельского губ. жанд. упр. от 31 мая того же года, № 96, д. 414, т. 5, эксп. 3). Но уже 21 января 1876 г. Аргангельский губернатор доносит М. В. Д., что «Берви оказывает вредное влияние на молодых людей и девушек и прибывающих в Архангельск политических ссыльных, а потому признает необходимым перевести Берви из Архангельска обратно в Шенкурск».

(См. отношение М. В. Д. от 9 февраля 1876 года, № 311 и отпуск с отношения Потапова к М. В. Д. от 10 февраля того же года за № 521, д. 414, т. 5, эксп. 3). Весь сыр-бор загорелся, благодаря анонимному доносу на имя губернатора. Возникло особое дело «по обвинению состоящего под надзором полиции в г. Архангельске надв. сов. Берви в составлении противозаконного сообщества, каковое преступление предусмотрено 318 ст. Уложения о наказаниях». Дознание довольно объемистое, на 72-х листах. Всех лиц привлечено по этому делу 14, преобладает местная молодежь из средних школ и несколько человек из бывших и состоящих еще под надзором полиции ссыльных. Дознание это было препровождено, со всеми протоколами, в III Отделение—на усмотрение и заключение его. Обстоятельный доклад, составленный на основании обширного дознания архангельского губ. жанд. упр., был представлен с заключением шефу жандармов 17 марта 1876 года.

Доклад этот интересен в двояком отношении: во-1-х, он развертывает пред нами яркую бытовую картину провинциальных жандармских дознаний по политическим делам. Оказывается, что все «дело о составлении Берви противозаконного сообщества, каковое преступление предусмотрено 318 ст. уложения о наказаниях»—построено на песке: материалом для этого дознания послужили сплетни,

пересуды разных кумушек и заведомая, злостная подлость добровольных доносчиков,—по личным, видимо, мелочным мотивам. К такому именно заключению и пришел докладчик III Отделения. Заключение ясно гласит: — «В виду того, что настоящим дознанием не добыто таких фактических данных, которые могли бы служить достаточным поводом к возбуждению против Вильгельма Берви судебного преследования, и что Берви удален уже из Архангельска в Шенкурск, чем отняли у него возможность вредно действовать на учащуюся молодежь,—полагалось бы означенное дело дальнейшим производством прекратить».

Шеф III Отделения написал 18 марта на полях свою резолюцию: — «Согласен», и, согласно этому, послана 19 марта 1876 г. бумага начальнику Архангельского губ. жанд. упр. за № 993 (см. отпуск с отношения в деле № 414, часть 268, эксп. 3). Во-2-х,—доклад этот дает ценный материал для характеристики главного виновника поднятого дела,—В. Берви. На предложенный ему вопрос, кто посещает его и имеет с ним личное знакомство, он ответил, что отказывается дать какие бы то ни было показания, потому что знакомство с ним подвергается преследованию со стороны администрации, и он не желает подвергать никаким неприятностям лиц, которые его посещают и посещали. Он считает себя в праве по-

ступить таким образом потому, что, как лицо, привлеченное к делу, по закону имеет право объяснять только то, что к его пользе. Он может только сказать, что те, которые приходили к нему, «привлекались только одним детским любопытством посмотреть на известного писателя или тщеславным желанием слыть за его знакомых». Он «никогда с ними ни о чем не говорил, потому что они не в силах приковать своего внимания к серьезному предмету даже на несколько минут». Далее Берви излагает, что Россия в настоящее время находится в переходном состоянии, которое уже пройдено западно-европейскими державами и которое постоянно сопровождалось потрясениями и междуусобиями, примером чего может служить Франция.

Вследствие этого он поставил целью своей жизни «изыскать для своего отечества путь, при котором оно могло бы открыть себе наибольший прогресс не только без революции, но и без потрясающих реформ». Для достижения этой цели, он, Берви, старается посредством печатного слова «убедить образованное общество, что ему стоит только выработать правильный взгляд на собственное счастие, и его интересы сделаются солидарными с интересами рабочего класса, и между ними уничтожатся взаимная зависть и ненависть в тех же размерах, в которых взгляд их на счастье бу-

дет делаться правильным». И далее. — «...*Интеллектуальное развитие дает человеку несравненно более удовольствия и счастья, чем вещи и богатство, стремление же к интеллектуальному развитию побуждает людей делиться им и распространять его вокруг себя и таким образом устанавливать между людьми солидарность стремления; исключительное же сосредоточение своих помыслов на приобретение богатства порождает между ними рознь, и потому нужно всячески стараться давать, в особенности в образованном классе, преобладание первому стремлению над последним. Это единственный путь, который может привести к спокойному и свободному прогрессу, но к несчастью выполнение этой задачи неизмеримо трудно, и я с замиранием сердца смотрю на будущее моего отечества,—удастся ли ему выполнить задачу еще никем не выполненную* [1]).

Это основная мысль всех моих сочинений, но к крайнему моему горю я вижу ложное их истолкование со всех сторон, не исключая правительства.

Вы утверждаете, что если эти идеи так глубоко во мне засели, то я не могу не вести и лично пропаганды, и желаете знать, какие я собственно пропагандирую идеи политические. О по-

---

[1]) Подчеркнуто мной. А.

литических идеях я говорю вообще очень немного и пропагандирую, в сущности, только одну: может быть дурная монархия и хорошая республика, но может быть и дурная республика и хорошая монархия. Соединенные Штаты прекрасная республика, другие же республики Америки, хотя и заимствовали от Штатов свои учреждения, но хуже европейских монархий. Тюдоры были неограниченными монархами, однако же введением реформации они дали сильный толчек умственному развитию этой страны, сильно способствовали, как известно, постепенному уничтожению в Англии крепостного права, распространили мелкое землевладение и возвысили заработную плату, обеспечив народ податью для бедных, а свободные учреждения в Англии окончательно уничтожили мелкие землевладения, а республика в Польше одновременно с Тюдорами погасила в ней свет наук водворив теократическо-аристократическое правление. По крутости своей правление Петра I правильнее всего назвать деспотическим, а оно укоренило в России просвещение, Годунов же был в сущности ограниченный боярами монарх и ввел крепостное право. Формы правления имеют только *второстепенное* значение, чаще всего, они суть порождение привычки и подражания, так американские государства любят принимать форму республики, европейские—монархии. *Главное, на что*

нужно обращать внимание, это его дух, чем более правительство поселяет в народе взаимной терпимости, смягчает внутренние вражды и дает свободных случаев для сознательного проявления гражданами своих потребностей, тем оно лучше, но граждане должны всеми силами помогать ему в этом, оно одно не в состоянии обеспечить спокойного развития. Так как вообще мои идеи требуют подготовки, то я и могу об них говорить только с людьми до известной степени подготовленными. Здесь в Архангельске, за немногими исключениями людей уже совершенного возраста, я заметил крайне малую подготовку. Молодежь, которую я встречал, положительно ничего не читала, к несчастью поощряемая в этом училищным начальством, что *по моему глубокому убеждению составит для России государственную опасность, если будет повсеместно, невежественный человек может быть только орудием нелепейших и зловреднейших идей, все равно будут ли они реакционерными или прогрессивными.* » [1]).

Сила и солому ломит: перемещение Берви в Шенкурск, несмотря на то, что производившееся против него скоропалительное дознание «производством прекращено», отразилось на всей семье разрушительным образом. Тяжелые материальные

---

[1]) Курсив мой. А.

лишения, нравственные муки, сын тяжело заболел. Жена Берви буквально выбивается из сил, чтобы как нибудь свести концы с концами в скудном хозяйстве, поддержать слабеющего физически мужа и ходить за больным сыном. Ее письма к матери дышат глубокой скорбью, трогательные хлопоты Анны Павловны Философовой оказались безуспешными. Берви не вытерпел и обратился в начале августа 1876 года с прошением к М. В. Д. о переводе его, по болезни сына, в Астрахань или Екатеринослав. М. В. Д., как водится, снесся по этому поводу с III Отделением (См. отношение его от 31 августа 1876 г., № 1919, д. 414, ч. 268, эксп. 3). Что же ответил главн. нач. III Отделения? На бумаге М. В. Д. имеются на полях две пометки карандашем: — «Справку. 31 августа» и другая:— «Отклонить. 2 сентября». Согласно с этими пометками и послано отношение управляющему мин. вн. дел, подписанное ген.-ад. Мезенцевым (см. отпуск с отношения управляющему М. В. Д. от 3 сентября 1876 г., № 3192, там же). Не помогло даже ходатайство архангельского губернатора!

Проходит еще семь тяжелых для Берви месяцев, никакого просвета, единственная надежда на Философову. Год тому назад она уже пыталась хлопотать за Берви о переводе его в Астрахань, дело налаживалось, как вдруг неожиданный анонимный донос все опрокинул вверх дном. И вот 14 апреля

1877 года Анна Павловна Философова снова обращается с письмом в III Отделение. Она пишет Шульцу:

— «Многоуважаемый Александр Францевич,

опять я к Вам с просьбой. Но что же мне делать? Не могу же я безучастно относиться к в высшей степени хорошей и симпатичной личности, а именно г-же Берви, сосланной вместе с мужем в г. Шенкурск (Арх. губ.). Вся-то ее просьба состоит в том, чтобы перевели в Кострому. Ведь они «инвалиды мысли». Прошу Вас сделать, что можете, чем крайне много обяжете преданную Вам А. Философову».

На полях письма вверху помечено карандашем:—«Прошу прислать мне краткую докладную записку в смысле ходатайства г-жи Философовой».

Докладная записка во многих отношениях весьма любопытна. Прежде всего докладчик констатирует, что *никаких положительных оснований не было, чтобы привлечь Берви к дознанию по обвинению в государственном преступлении, что никаких противозаконных сборищ не было, что „это было лишь простое обыденное знакомство между собою, при полном отсутствии какого-либо политического, а тем более революционного характера их отношений“*, что, далее, *„губернатор был введен в заблуждение ложным доносом“*. А потому, принимая во внимание все вышесказанное и имея

в виду, что семейное положение Берви действительно безысходно и в материальном и в нравственном отношениях (болезнь самого Берви, сына его, необходимость дать гимназическое образование подросткам и т. д.), — шеф III Отделения, как гласит надпись на докладе, дал такую резолюцию: — «Согласен на перевод в Кострому и вменить полковнику Талееву иметь *ближайшее наблюдение*» [1]). И 27 апреля 1877 года, № 1528, III Отделение обращается к Мин. Внутр. Дел с предложением «сделать распоряжение о переводе в г. Кострому надв. сов. Берви [2]), с продолжением за ним *полицейского надзора...*» (См. отпуск с отношения в деле 144, ч. 268, эксп. 3). И еще характерная черта. В этом отношении, подписанном Мезенцовым, ничего не говорится о том, что Берви первоначально был назначен в Мезень, но оставлен архангельским губернатором, по причине болезни его, т. е. Берви, в Шенкурске, потом, по ходатайству губернатора же, во внимание к семейным обстоятельствам Берви переведен из Шенкурска в Архангельск, и уже по причине «ложного доноса, которым губернатор был введен в заблуждение», его «удалили» снова в Шенкурск в феврале 1876 г., где он томился больше года ни за что ни про что. Но ведь это передержка, чтобы не ска-

[1]) Подчеркнуто мною. А.

[2]) Подчеркнуто мною. А.

зать больше! III Отделение будто совестится, боится приподнять завесу с свершенного им жестокого деяния по отношению к без вины виноватому Берви... И оно скрадывает, смягчает свое изложение совершенно непредвиденным и прямо странным со стороны III Отделения, всегда точного в своих суждениях и распоряжениях, забвением важных фактов. Что может быть мягче такого отношения к Берви, которого III Отделение всегда рисовало в мрачных красках («крайне опасный в политическом отношении» субъект», «под самый строгий надзор полиции его» и т. д., и т. д.),— как выражение: «вменить полковнику Талееву в обязанность иметь *ближайшее наблюдение*; продолжать за ним просто «*полицейский надзор*»? Вообще весь доклад III Отделения составлен в поразительно мягких тонах, словно добрый гений гуманной, милой Анны Павловны Философовой, этого неутомимого ходатая за революционеров, витал над мрачными стенами здания у Цепного моста. И твердокаменные сердца третьеотделенцев смягчились,—может быть, в первый раз в их жизни,— лед тронулся, повеяло весной на истерзанного в конец Берви. Он попал, наконец, в Кострому. С облегчением вздохнул он: все-таки не холодный север, с его вьюгами и снежным саваном зимою, с его заброшенностью, культурной обездоленностью и духовной опустошенностью. Берви ожил,

ожила и многострадальная, ни в чем неповинная семья его. Не надолго. Что же случилось? На основании правил об административно-ссыльных по политическим делам, корреспонденция, получаемая и посылаемая ими, подлежит цензуре местных властей. Но вот—о, ужас!—Вильгельм Берви не пишет писем и не получает оных. Где же собака погребена? Ну, ясно! Через руки г-жи Берви проходит вся корреспонденция ее мужа, под ее покровом совершается обмен его переписки, несомненно весьма обширной, важной... У страха, известно, глаза велики. Что же делать?

Костромской губернатор обращается за разрешением этого, государственной важности, вопроса к своему ближайшему начальству—к мин. Вн. Д. Последний, в свою очередь, шагу не может сделать, не узнавши предварительно, что думает об этом III Отделение. Так уж третьеотделенский механизм устроен: строгое взаимоотношение различных частей его. Все движется гладко, быстро, без сучка и задоринки. И вот мин. Вн. Д., в отношении своем от 12 сентября 1878 г., № 2651, ставит вопрос ребром: подчинить себе корреспонденцию г-жи Берви возможно лишь в том случае, если применить к ней высочайше утвержденные в 1864 г. правила, т. е если учредить за нею полицейский надзор. (См. отношение это в деле № 144, часть 268, эксп. 3). На полях написано карандашем:—

«Справку о Берви». Справка представлена. и на полях резолюция: «Дотоле пока жена будет с мужем, то учредить пересмотр ее писем». Согласно этой резолюции, и. д. главного начальника Ш Отделения Сильверстов шлет М. В. Д. ответ, в котором он высказывает свое мнение, что «пока жена поднадзорного Вильгельма Берви будет проживать вместе с мужем в Костроме, то я полагал бы необходимым и ее подвергнуть гласному надзору полиции, с просмотром ее корреспонденции». (См. отпуск отношения к М. В. Д. от 22 сентября 1878 г., № 3768, д. 144—268, эксп. 3). Сильверстов действует со свойственной ему быстротою и натиском, без страха и сомнения. «Испрашивать на сей предмет высочайшего повеления», в данном случае не представляется очевидно нужным, так как г-жа Берви находится уже в *добровольной* ссылке, а превратить добровольную *в принудительную*—дело уж нажима III Отделения. Такова неизменная тактика его. 27 сентября 1878 г., № 2841, Тимашев, министр Вн. Дел, уведомил III Отд., что им, Тимашевым, сделано распоряжение об учреждении за Эрмионой Берви, женой Вильгельма Берви, согласно предложению III Отд., гласного полицейского надзора, с вытекающими из него последствиями, предусмотренными высочайше утвержденными правилами 2 января 1862 г. (См. названное отношение в деле № 144—268, эксп. 3).

Таким образом на семью Берви была накинута не одна уже петля, а целых две: и на отца, и на мать одновременно. Это вернее. Как же жилось семье Берви в Костроме? В «Деле» № 144, часть 268, на листе 128, имеется весьма загадочная бумажка: на ней нет ни обращения к кому либо,— к лицу, или учреждению, — ни подписи, ни даты месяца, ни года. Это, повидимому, — «записка для памяти», в которой помещена копия из извлечения из какого-то письма, присланного каким-то таинственным лицом в III Отделение. Вот содержание этой записки:—«Справедлив ли слух, что недавно арестована жена В. В. Берви, рожденная Ферстер? Семья, состоящая из мужа и четверых детей, поставлена этим в безысходное положение. Г-жа Берви была единственной ее опорою. С редким самоотвержением, к которому способны только женщины, она, при совершенном отсутствии всяких средств к существованию, сама отправляла на семью всю черную работу: мыла белье, готовила кушанья и находила еще время кое-что зарабатывать рукоделием.

Муж—писатель, которому запрещено писать и которого сочинения не пропускаются цензурой. С арестом г-жи Берви семья лишена последнего куска хлеба. Муж впал в меланхолию, граничащую с помешательством. Было бы делом человеколюбия и благодеянием облегчить горькую долю неповин-

ных детей, возвратить им, если возможно, несчастную мать». Вот и все. Несомненно, это писал какой-то доброжелатель семьи Берви. Кто же этот таинственный добрый гений этой семьи? Мы знаем только *одного* такого гения—Анну Павловну Философову, но она, думается нам, выступила бы с открытым забралом, действуя прямо, как она действительно раньше поступала. На верху бумажки помечено карандашем:—«За что арестована г-жа Берви?».

Во всяком случае III Отд., если не встревожено этим обстоятельством, то удивлено, и Шульц телеграфирует 22 октября 1878 г. в Кострому полковнику Талееву, начальнику костромского губ. жанд. упр. уведомить его, Шульца, телеграммой же, верен ли этот слух. Ответная телеграмма от 29 октября того же года гласит:—«госпожа Берви не арестована, но, по распоряжению начальства, состоит под гласным надзором, и корреспонденция ее просматривается. Подробности почтой»...

Но и «подробности почтой» ровно ничего не выяснили: тайна так и остается тайной. Одно только ясно: положение Берви было тяжелое, по прежнему «недремлющее око» неуклонно следило за ним, не брезгуя, конечно, ничем. Начальник костромской губ. перехватывает на почте адресованное Берви письмо «сомнительного содержания от неизвестного лица». Письмо, конечно, немедленно

препровождается на усмотрение министра внутренних дел, а этот последний при любезном отношении, в свою очередь, сплавляет это сакраментальное письмо Александру Романовичу Дрентельну, как заправскому доке по части ориентировки вообще в письмах «сомнительного содержания да еще от неизвестного лица». (См. отношение М. В Д. от 22 февраля 1879 г., № 625, д. 144, ч. 268, эксп. 3). Дрентельн усмотрел, что письмо прислано из Вологодской губернии, а потому препровождает это письмо начальнику вологодского губ. жанд. упр. с предложением заняться расшифрованием скрытого смысла этого «сомнительного содержания» письма и обнаружить «неизвестное лицо». (См. отпуск с отношения III Отделения от 4 марта того же года, № 1143, в том же «Деле»). Легко приказать.

Начальник вологодского губ. жанд. упр. завертелся, как волчек, и туда и сюда: не дается клад. Однако, он, повидимому, нападает на какой-то след, который приводит его к заключению, что это письмо несомненно написано в Архангельске, куда он и препроводил письмо с своими соображениями, начальнику архангельского губ. жанд. упр. Но в окончательном результате—неудача, повидимому, ибо следы затерялись, а с ними и искомые «корни и нити». (См. отношение начальника вологодск. губ. жанд. упр. от 24 апреля 1879 года, за № 105, д. 144, ч. 268, эксп. 3).

Но для Берви это, само собою, не прошло бесследно: новая тень упала на его личность, а с этим в кондуитную книгу его в III Отделении занесена новая отрицательного свойства отметка. Это так, и это ему при удобном случае зачтется. 25 сентября 1880 г. Берви обращается к министру Внутренних Дел с прошением освободить его от полицейского надзора «с правом свободно избирать ему место жительства, смотря по тому, где он найдет себе работу для воспитания семейства». В заключение прошения—шпилька,—что характерно для Берви:—«Вместе с тем об освобождении из под надзора полиции и моей жены, так как надзор этот учрежден был без всякого другого повода, кроме того, что она живет со мною, что и было ей объявлено».

Костромской губернатор препроводил это прошение к мин. вн. дел, при отношении от 29 сентября 1880 г., за № 3912. Губернатор аттестует Берви хорошо:—«имею честь доложить вашему сиятельству, что в образе жизни и поведении Берви ничего предосудительного не проявляется, а потому и во внимание к семейному положению его, я нахожу с своей стороны ходатайство о свободном избрании места жительства заслуживающим уважения». (См. «Дело» № 144, ч. 268, эксп. 3).

В ответ на это департамент государственной

полиции, в отношении своем от 8 сентября (описка: должно быть *октября*, ибо на отношении губернатора к М. В. Д. стоит штемпель получения: «6 октября 1880» А.) за № 7641, просит губернатора сделать распоряжение об объявлении Берви, что «ходатайство его будет разрешено в свое время при общем пересмотре дел о поднадзорных и о распоряжении какое последует будет объявлено». Подписал: «Директор барон Велио». (См. то же «Дело»).

4.

Прошло больше года.

И вот 12 декабря 1881 года судебный отдел департамента государственной полиции вошел с подробным докладом Особому Совещанию, образованному согласно 34 ст. положения о государственной охране, по поводу прошения Берви, о котором выше говорилось.

Докладу предпосылается подробный curriculum vitae Берви, начиная с 1862 года.

Все это нам уже хорошо известно, и мы на этом останавливаться не будем, а обратимся к непосредственно интересующему нас вопросу—вопросу об участи прошения Берви. В докладе по этому поводу сказано: «в сентябре 1880 г. Берви ходатай-

ствовал об освобождении его от надзора полиции, причем губернатор донес, что в образе жизни и поведении Берви ничего предосудительного не проявлялось, а потому и во внимание к семейному положению его, дейст. ст. сов. Андреевский находит ходатайство названного поднадзорного заслуживающим уважения.

Заключение. В виду вышеизложенного Судебный Отдел полагает: оставить Берви под надзором полиции на два года и девять месяцев, с дозволением повсеместного жительства, за исключением местностей, объявленных в положении усиленной охраны». «За управляющего Суд. Отд. П. Безобразов».

«Особое Совещание по выслушании настоящего дела, 12 декабря 1881 года, постановило: оставить Вильгельма Берви под гласным надзором полиции в Костромской губ. на четыре года, считая с 9 сентября 1881 года. За Директора П. Дурново». (См. извещение Судеб. Отд. Д. П. от 17 февраля 1882 года, № 1435, Костром. губ. № дела 849, под. общей обложкой № 1077 1893 Д. Д. П. 3 делопроизводство).

28 февраля 1882 года Берви было, наконец, обявлено постановление Особого Совещания, как ответ на его ходатайство. Скоро и милостиво: год и 5 месяцев ожидания и 4 года ссылки. 20 июля 1882 г. Костромской губернатор обращается в Д. П.

с запросом, подлежит ли корреспонденция Берви просмотру, в виду предписания М. В. Д., от 20 мая 1882 г. за № 5071, согласно которого корреспонденция политических может быть освобождена от предварительной цензуры местной властью губернской, при соглашении ее с начальником местного губернского жанд. упр.—«Так как,—пишет и. д. губернатора Костромской губ. в своем отношении за № 2270, от 20 июля 1882 г.,—почтовая корреспонденция всех находящихся в губернии политических ссыльных от предварительного просмотра освобождена, по неимению к этому достаточных оснований», то вопрос остается лишь нерешенным по отношению к Берви,—продолжать ли просмотр его корреспонденции, или нет.

Деп. Госуд. Пол. предоставил решение этого вопроса на благоусмотрение нач. губернии. (См. отпуск с отношения Д. Г. П. к костромскому губ., от 28 июля 1882 г. за № 6560. Подписал Дурново. То же «Дело»).

Материальное положение Берви в Костроме с марта 1883 года улучшилось: ему разрешено было поступить в костромскую губ. земскую управу на должность бухгалтера—должность, не пользующаяся правами государственной службы. (См. отпуск с отношения Д. Г. П. за подписью Дурново от 9 марта 1883 г., № 748. То же «Дело»).

В декабре 1883 г. Судебный Отдел Д. Г. П.

вошел с докладом в Особое Совещание, по поводу ходатайства Костромского губернатора о применении к Берви, в виду одобрительного его поведения, 3 п. XIV ст. «всемилостивейшего манифеста» 15 мая 1883 года. Исправляющий должность вице-директора (фамилия не разборчива. А) положил резолюцию:—«Предлагается сократить срок гласного надзора над Берви на один год, т. е. до 9 сентября 1884 года».

Особое Совещание в заседании 30 декабря 1883 года постановило:—«Изъять В. Берви от действия всемилостивейшего манифеста 15 мая 1883 г.».

16 марта 1884 г. Берви обратился к М. В. Д. с таким прошением: — «В октябре 1873 г. я был арестован в Нижнем-Новгороде по политическим причинам и удален административным порядком в Архангельскую губернию. Из Архангельской губ. я был переведен под надзор полиции в г. Кострому; здесь мне разрешено было вашим сиятельством поступить бухгалтером в Губ. Земск. Управу. Место бухгалтера я занимаю и в настоящее время. При назначении сроков находившимся под надзором полиции мне назначен был четырехлетний срок с сентября 1881 года. В успехе моих усилий к устранению всякого рода недоразумений по отношению образа действий я удостоверился, когда обратился к месту своего служения, к губернской земской управе, с просьбою о выдаче мне прила-

гаемого при сем свидетельства. Консервативные члены Управы единогласно удостоверили мне на словах, а для вашего сиятельства на бумаге, безупречность моего, по их мнению, поведения. Смею надеяться, что и администрация не предполагает в моем поведении ничего сомнительного, эту надежду поддерживает во мне взгляд тех членов управы, которые находятся со мною в ежедневных сношениях. Питая такую надежду и в виду всемилостивейшего манифеста от 15 мая 1883 года, я решаюсь обратиться к вашему сиятельству с всепокорнейшей просьбой о моем освобождении из под надзора полиции. Свидетельство губернской земской управы за № 875 при сем прилагается. 16 марта 1884 года.

Надворный советник В. Берви.

Жительство просителя в Костроме, Костромской губернии».

Исправляющий должность костромского губернатора Скалон препроводил прошение Берви, с приложением свидетельства Костромской губ. земской управы, министру внутренних дел, при чем дал заключение:—«Я находил бы с своей стороны ходатайство Берви об освобождении от надзора полиции заслуживающим уважения». На полях пометка министра: — «Я этого не нахожу. 24 марта».—А Д. Г. П., уже в свою очередь, напи-

сал на полях того же отношения, пересланного к нему из министерства: — «В виду рассмотрения дела Особым Совещанием и резолюции г. министра, оставить без последствий». (См. отпуск с отношения Д. Г. П. к костромскому губернатору от 3 апреля 1884 года за № 1442, «Дело» № 849—1077/93). Но Берви настойчив, упорствует в своем требовании и 20 августа 1882 г. он снова обращается к М. В. Д. с прошением: — «Я нахожусь в городе Костроме под надзором полиции по политическим причинам и 9 сентября 1881 года мне назначен четырехлетний срок. Так как я нахожусь в этом положении с 1 октября 1873 года, более десяти лет, то решаюсь покорнейше просить благосклонного распоряжения вашего сиятельства о моем освобождении». Костромской губернатор, как полагается, препровождает это прошение Берви М. В. Д., при своем отношении от 22 августа того же года, за № 2530, с самой лучшей аттестацией Берви и с отзывом, что ходатайство Берви об освобождении его от надзора полиции заслуживает уважения. На отношении губернатора надпись, сделанная делопроизводителем: — «Г. директор признает ходатайство оставить без последствий». (См. отпуск с отношения Д. Г. П. от 6 сентября 1884 г. за № 3670, «Дело» то же).

27 июня 1885 года костромской губернатор обратился в Д. П. с отношением, за № 2430, сле-

дующего содержания: — «Согласно предписания министра внутренних дел, от 15 февраля 1882 г., за № 1190, имею честь препроводить при сем четыре списка о состоящих в г. Костроме под гласным надзором полиции: надворном советнике Вильгельме *Берви,* дворянах Устине *Вноровском* и Петре *Зайчневском* и жене титулярного советника Ольге *Мищенко,* срок надзора за которыми окончится 9 будущего сентября, и сообщить, что означенные лица за время проживания в г. Костроме вели себя хорошо и политической неблагонадежности не обнаруживали». (См. № 849/1077/93) [1]).

Что на это ответил министр внутренних дел, остается неизвестным, ибо в *общем* «Деле» № 1077—№ 849 мы не находим никаких указаний: Берви словно проваливается куда-то... Что с ним, с 57-летним страдальцем? где он мыкается? пристал ли он, наконец, к берегу, или по прежнему его насильственно перебрасывают с конца в конец необъятной родины?.. Ответ неожиданно для нас получается в 1893 году: «непослушный Коронат» внезапно «вынырнул», и вынырнул—в Лондоне.

Вот что мы узнаем из «Дела» № 849—№ 1077/93.

---

[1]) Фамилии подчеркнуты губернатором, а последние три строки в отношении, начиная со слов: «что означенные лица» и т. д. до конца карандашем подчеркнуты, повидимому, уже в Д. Г. П., а на полях карандашем же надписано.—«К Делу. Проверить». (Подпись не разборчива).

1893 года. 3 Делопроизводство. Входящий № 13528. Дело № 332/90, т. III. Число 13/x.

Фамилия—Берви, имя—Василий, Отчество—Васильев, звание—отставной надворный советник.

Императорский российский генеральный консул в Лондоне при отношении от 30 сентября, 12 октября 1893 г. за № 1006 препроводил в Департамент экземпляр английского революционного журнала «Free Russia» Vol. 3 № 10, в коем помещена статья Кравчинского о Берви, перевод который у сего прилагается. Надпись: *А. К. Миллеру.*

Какие имелись сведения о Берви за последние годы? Необходимо дать циркуляр на пограничные пункты по случаю возвращения Берви и доложить о нем Рачковскому. 23/x.

Выдержки из № 10 за октябрь 1893 г. английского журнала «Свободная Россия».

«В настоящем номере заслуживает внимания статья Кравчинского о приезде в Лондон «выдающегося русского писателя и мыслителя» (как сказано в статье), Василия Берви, прибывшего в Англию, чтобы напечатать там некоторые из своих сочинений, которые не могут быть изданы в России.

Как стоявший всегда несколько в стороне от общего социального движения и как бы создавший свою собственную школу, Берви, по словам автора статьи, не может быть назван «нигилистом», в строгом смысле, хотя описание его деятельности,

подобно биографиям прочих революционеров, также должно составить одну из самых светлых страниц истории борьбы «с властью тьмы». Прежде всего он является глубоким мыслителем и ревностным искателем социальной и философской правды. Не совершив никакого преступления, Берви провел лучшие годы своей жизни, всего 26 лет, в ссылке и одиночном заключении. Кроме нового издания известного своего сочинения «Азбука социальных наук», Берви намерен издать в Лондоне свою автобиографию на русском и английских языках. Берви вегетарианец, имеет теперь 64 года от роду и по простоте своей жизни далеко опередил графа Л. Толстого. Уже в течение 15 лет ежедневную его пищу составляют блюдо вареного рису и стакан красного вина, предписанный ему врачами».

Переводил: ст. пом. дел А. Миллер.

20 октября 1893 года.

Деп. гос. пол., само собою, забил тревогу. Обитатели «белого дома» у Цепного моста насторожились: Берви — беспокойный старик. Что он опять задумал? что затеял в Лондоне, — в этом «котле ведьм», в котором эмигранты-революционеры, во главе с Кравчинским, стряпают свое дьявольское зелье?

И «пошла писать губерния». Старший помощник делопроизводителя, переводчик статьи из «Свободной России», А. Миллер, дает справочку Д. Г. П.,

помеченную 26 октября 1893 г.:—«О Василии Берви со времени освобождения его в 1887 году от негласного надзора полиции сведений не имеется. При сем прилагается запрос о Берви на имя начальника костромского жандармск. управления».

— «Секретно. Начальнику Костромского губернского жандармского управления. Состоявший под надзором полиции в Костроме, служивший бухгалтером в местной губернской управе, отставной надворный советник Василий Васильев Берви находится в настоящее время в Лондоне. Вследствие чего Д. П. имеет честь просить ваше п-во собрать негласным путем сведения об образе жизни, занятиях и сношениях Берви за последние года, а равно выяснить, когда, с какою целью и по какому паспорту он выехал за границу и о последующем в возможно непродолжительном времени уведомить».

«Подп. дир. генерального штаба, генерал-лейтенант Петров» (См. отпуск с отношения Д. Г. П. к нач. Костр. губ. жанд. упр. от 27 сентября 1893 г. за № 5971).

Начальнику Костромского губ. жанд. упр., повидимому, выпала нелегкая задача, так как прошло $1^1/_2$ слишком месяца прежде чем он ответил на «секретное» предписание Д. Г. П. Вот что он пишет:—«Состоявший под гласным, а затем—с 9 сентября 1885 года по 9 сентября 1886 года под *не-*

гласным надзором полиции отставной надворный советник Вильгельм Вильгельмович Берви находился в последние годы проживания в г. Костроме в должности бухгалтера губернской земской управы; знакомства он вел преимущественно с лицами неблагонадежными в политическом отношении, как то: состоявшими под негласным надзором или негласным наблюдением женою титулярного советника Ольгою Ивановой Мищенко, дворянином Устином Устиновичем Вноровским, акушеркою Екатериной Васильевной Вахрушиной и друг. Кроме служебных занятий, Берви, как слышно, писал в журналы и газеты статьи под псевдонимом Флеровского. В последнее время он почти не появлялся в обществе, летом, после служебных занятий, очень часто отправлялся за город, где собирал растения и насекомых для коллекций. Из Костромы за границу не выезжал, и заграничного паспорта ему здесь не выдавалось, но в 1890 году он выбыл на службу в железнодорожный контроль в г. Тифлис, где и проживал вместе с женою до лета настоящего года, когда взял отпуск и уехал в Лондон, для какой цели,—неизвестно, но в обществе существует слух, что для издания своих сочинений, которые в России издавать не разрешили бы. На предписание от 27 октября с. г. за № 591 донося об изложенном, имею честь присовокупить, что сведения о выезде из Тифлиса за границу и о при-

чинах этого выезда мною взяты из источника, требующего проверки».

«Генерал-майор Никольский».

(См. отношение нач. Костр. губ. жанд. упр. от 13 ноября 1893 г. за № 491).

Начальник Костр. жанд. упр. очень скромен: сведения его оказались *верными* и весьма *ценными*. Получивши эти обстоятельные сведения, Д. Г. П. обращается к непосредственному источнику, — к начальнику тифлисского губ. ж. упр... Содержание этого «секретного» предписания буквально такое же, как и предыдущее к начальнику костромского губ. жанд. упр., с некоторыми небольшими вариациями, касающимися выдачи заграничного паспорта и службы на закавказской жел. дор. (См. отпуск отношения Д. Г. П. от 6 декабря 1893 г., № 6973).

Ответ начальника тифлисского губ. жанд. упр. гласит следующее:—«...отставной надворный советник Вильгельм Вильгельмович Берви выбыл за границу по паспорту Тифлисского губернатора, выданному 7 мая 1893 г. за № 89, сроком на шесть месяцев. Выяснить цель поездки Берви за границу не представилось возможным. На службе в конторе Закавказской жел. дор. Берви состоял с 2 января 1891 года по 23 марта 1892 г. и был уволен по прошению. За время проживания в Тифлисе, Берви ни в чем предосудительном замечаем не был

Генерал-майор Янковский».

(См. отношение нач. тифл. губ. жанд. упр. в Д. П. от 7 января 1894 г. за № 12).

Не дожидаясь ответа от вышеупомянутых жандармских управлений, Д. Г. П. завязывает деятельные сношения с своими заграничными оффициальными и неоффициальными агентами. Прежде всего Д. П. обращается в Париж *конфиденциально* к своему чиновнику особых поручений П. И. Рачковскому, заведующему заграничной агентурой, со следующим предписанием:

—«В журнале Free Russia» за октябрь сего года помещена статья Кравчинского о приезде в Лондон отст. надв. сов. Василия Берви, обратившего на себя внимание еще в 60-х годах своими сочинениями «Положение рабочего класса в России» и «Азбука социальных наук» и с тех пор неоднократно привлекавшегося к дознаниям политического характера и подвергавшегося административным ссылкам.

В Лондоне Берви намерен, будто бы, переиздать запрещенное в России сочинение его «Азбука социальных наук», а также написать биографию на русском и английском языках. Имея в виду, что Берви, завязавший уже сношения с Кравчинским, сделается, по всей вероятности, в виду его политического прошлого, предметом особого внимания и демонстративных оваций со стороны эмигрантов, прошу вас обратить внимание на дея-

тельность и сношения упомянутого лица за границей и о последующем уведомить. Подписал Н. Петров». (См. отпуск с отношения Д. П. к Рачковскому от 27 октября 1893 года за № 126, 13.528, 3 Дпр. Д. Пол.).

Не откладывая в долгий ящик, Д. Г. П. шлет „*секретно*“ и „*циркулярно*“ *в тот же день* предписание «на все пограничные пункты» такого содержания: — «Департамент полиции имеет честь просить ваше высокоблагородие установить наблюдение за возвращением в Россию находящегося в Лондоне отст. надв. сов. Василия Василевича Берви, и в случае проезда означенного лица, подвергнуть тщательному осмотру имеющийся у него багаж и сообщить департаменту о направлении избранного пути. Директор, генерального штаба генерал-лейт. Н. Петров». (См. отпуск с отношения от 27 октября 1893 г., № 5982, по 3 Д-ству).

Ответа Рачковского на предписание Д. П. мы в «деле» № 849 (пришитом к «делу» № 1077) не находим,—к сожалению, какие меры этот энергичный организатор заграничного сыска принял, чтобы оправдать доверие начальства, мы не знаем, но есть указания на то, что он не сидел сложа руки, «недремлющее око» Рачковского уже сказывается в следующем.

В названном уже многократно «Деле» имеется любопытная запись, помеченная С. С. 1525-95 от

25 августа 95 года:—«Выписка из полученного агентурным путем письма С. С. Раппопорта от 17 августа 1895 г., к Семену Афанасьевичу Венгерову, в С. Петербурге, Серпуховская 2».

—«Вам, вероятно, известно, что года два тому назад сюда переселился В. В. Берви (Флеровский).— О некоторых подробностях переселения вам может сообщить Зинаида Афанасьевна.—В настоящее время дела его очень плохи; *несмотря на свою бедность, Б. чрезвычайно горд и скорее полезет в петлю, чем будет просить кого-либо* [1]. Единственный исход—это, чтобы литературный фонд сам пошел к нему навстречу и протянул ему руку помощи. Во всяком случае прошу вас не оставить этого без внимания».

Второе «послание» Д. П. к Рачковскому датировано уже 7 октября 1895 года и гласит оно следующее.

Дело Деп. Пол. № 8265. 7 окт. 95 г.

Секр.

«Проживающий в течение 2-х последних лет в Лондоне, вошедший в близкие сношения с Кравчинским и другими выдающимися эмигрантами, известный Вам Василий *Берви* (Флеровский) приступил, при содействии Лондонского «Фонда воль-

---

[1]) Подчеркнуто мною. А.

ной русской прессы» к изданию вновь написанных им сочинений: «Воспоминания», «Автобиография» и «Три императора».

Принимая во внимание, что в зависимости от характера означенных произведений представится необходимость принять какие-либо меры в отношении названного Берви в случае возвращения его в Россию, прошу Вас, тотчас по выходе его сочинения в свет, выслать в Департамент по два экземпляра каждого из них, а равно уведомить, будет ли отпечатано второе издание «Азбуки социальных наук», того же автора.

Подп. Н. Сабуров».

«Его в-дию П. И. Рачковскому».

Рачковский поторопился на этот раз своим ответом.

В докладе своем от 18—30 октября 1895 года за № 89 он пишет в Д. П. из Парижа следующее:— «В ответ на предписание вашего превосходительства от 7 текущего октября за № 8265, имею честь донести, что проживающий в Лондоне и состоящий в близких отношениях с Кравчинским и другими выдающимися эмигрантами отставной чиновник Берви действительно намерен приступить к изданию брошюры «Три императора», конспект которой предназначен для напечатания в Цюрихской газете «Russische Zustände», при сем при-

лагается. Лондонский «Фонд», при содействии которого предполагается издание этого памфлета на русском языке, ограничивается пока, за отсутствием средств, выпуском на английском языке упомянутой брошюры, к печатанию которой уже приступлено.

Что же касается «Воспоминаний» и «Автобиографии» того же самого автора, то они еще не окончены. Вообще «Фонд» относится к сочинениям Берви крайне осторожно, так как книги этого слишком плодовитого писателя,—как уже доказал опыт с его «Азбукой социальных наук»,—не расходятся, и «Фонд» опасается, чтобы той же участи не подверглось и его последнее произведение. (См. Особый Отдел Д. П. № 1, 1895 г. По сообщениям заведывающего парижской агентурой и переписка с ним).

Доносы Рачковского не прекращаются: 13—25 апреля 1896 г. он, между прочим, доносит Д. П.:— «...*Флеровский живет особняком от всей эмиграции, не принимает ни в чем участия, и в качестве разочарованного революционера, собирается вместе с женою вернуться в Россию*» [1]). (См. Особый Отдел Д. П. 1—96, вход. 7255. По сообщениям заведующего парижской агентурой и переписке с ним). И действительно, 2 июня 1896 года Берви

---

[1]) Подчеркнуто мною А.

уже вернулся в Россию, о чем и доносит помощник начальника Александровского отделения Варшавского жандармского полицейского управления железных дорог от 2 июня 1896 г., за № 71. Помощник начальника между прочим доносит:—«При тщательном таможенном досмотре его багажа и вещей, ничего предосудительного не найдено». (См. «дело» 1077—93). Берви направил старые свои усталые ноги в Кострому, где жил его сын, старший нотариус костромского окружного суда. Опять в Костроме—на старом своем ссыльном пепелище, но уже свободный, насколько Берви мог быть свободен при непрестанном трогательном попечении о нем Д. Г. П. и охранки. Но, может быть, его минует уж в преклонном возрасте эта горькая чаша: Рачковский, ведь, аттестует его с охранной точки зрения с лучшей стороны («...живет особняком от всей эмиграции, не принимает ни в чем участия, в качестве разочарованного революционера... и т. д.»). Может быть.

Мы исчерпали весь архивный материал III Отд. и Д. Г. П., касающийся Берви-Флеровского. Подведем итоги.

Мы проследили длинный, бесконечно длинный путь мытарств, тяжелых лишений и постоянных тревог, пройденный В. В. Берви-Флеровским по милости в бозе почившего императорского всероссийского третьеотделенского и охранно-департаментского режима.

Двадцать пять слишком лет, в самую пору расцвета творческих его сил, прожил В. В. в перманентной ссылке.

Летописи III Отд. и Д. П. развертывают пред нами шаг за шагом, так сказать, изо дня в день, безрадостную жизнь Берви-Флеровского в ссылке, начиная с жгуче-оскорбительного и гнусно-жестокого заключения его в доме для умалишенных, с предшествующей и последующей за этим отвратительной процедурой освидетельствования его умственных способностей в различных бюрократических инстанциях. Холодным бездушием и бесстрастным об'ективизмом веет от страниц этих летописей, и лишь порою прорываются шипящие и злобные ноты по адресу В. В., изредка лишь вкрапливаются в эти безжизненные страницы охранные перлы вымыслов в перемежку с правдою — подлинные Dichtungen und Wahrheiten третьеотделенского творчества. Но в общем и

существенном *внешний* драматизм жизни В. В. выступает выпукло и с достаточной об'ективностью. А вместе с тем, помимо воли летописца, черта за чертой, штрих за штрихом, вырисовывается пред нами в высокой степени привлекательная, богато одаренная личность В. В., с его тонкой, чуткой, вечно мятущейся, ненормально восприимчивой, многогранной душой. Мыслитель с живым, гибким, обобщающим умом, обширные разносторонние знания, редкая работоспособность и производительность его работы. Это вынуждены были признать даже самые от'явленные его политические враги, как, напр., гр. Панин (...«занятиями своими и теоретическими познаниями он обратил на себя внимание и т. д.», — аттестует В. В. Берви-Флеровского министр в секретном отношении своем к шефу III Отд., кн. Долгорукову, от 7 марта 1862 года, д. № 139, эксп. 1-я).

Культурно-просветительная работа Берви-Флеровского, как средство для пропаганды в народной массе *политических* идей, огромная популярность его в народной массе, тяготение этой массы к В. В.—все это верно зарегистрировано в летописях III Отд. (...«туда *толпами* приходят увечные физически и *нравственно*, первых он лечит, а со вторыми пускается в рассуждения»,—с эпическим спокойствием констатирует летописец III Отделения деятельность Берви-Флеровского в Любани).

Мы хорошо знаем, что летописец разумеет под словами «нравственно-увечные» (подчеркнутыми нами), и скажем: все это верно, совершенно верно: словно к библейскому пророку шли к В. В. все «труждающиеся и обремененные», ибо находили у него защиту их попираемых прав, находили совет и разумное понимание окружающей их действительности—и просветлялся их ум и вырабатывалось *политическое* их понимание. Те «рассуждения» были наглядными уроками *политической* грамоты, первоначальной школой *политического* воспитания рабочей массы. И это подтверждается и другими—не только третьеотделенскими, а подлинными, достоверно нам известными источниками. «Вредное влияние на молодых людей и девушек и прибывающих в Архангельск ссыльных», констатируемое архангельским губернатором, во время пребывания в ссылке в Архангельске В. В.,—опять-таки совершенная правда: эти «молодые люди»—гимназисты Пругавины, Виктор и Алексей, Личков и Никольский; эти «девушки»—Лариса Тимофеевна Заруднева с ее подругами. Это они в 1873 году сгруппировались в Москве вокруг Мышкина. Вся эта зеленая молодежь получила крещение свое у В. В., все они—дети «первого революционера в России» (как себя называл В. В. Берви-Флеровский). Наконец, совершенно правильно отмечены и верно оценены III Отд. те

факты, которые относятся к энергическому участию Берви-Флеровского в революционной работе молодежи семидесятых годов. И действительно. *Первый* период революционного движения в народ—канун пилигримства молодежи «в народ»—особенно ярко проявившийся в Петербурге, протекал на глазах В. В.

Последний относился к этому движению не как посторонний наблюдатель, а как человек, глубоко захваченный им, этим движением: он принимает в нем непосредственное деятельное участие. Он близко сходится с авангардом революционной молодежи, с кружками чайковцев и долгушинцев. Он пишет, по предложению чайковцев, «Азбуку социальных наук»,—как ответ на запросы молодежи на философскую и этическую работу. Он пишет, далее, для долгушинцев брошюру для народа, которая должна была быть для него «религией братства» («Как должно жить по закону природы и правды», а по первой вариации—«О мученике Николае и как должен жить человек по закону правды и природы»). III Отделение было вполне осведомлено об этом и недаром вопияло: Caveant Consules! (Консулы, на стражу!). И «консулы», как мы уже знаем, упекли за это долгушинцев на каторгу, а В. В.—в административную ссылку в Архангельскую губернию. Обо всем этом нам рассказывают летописи III Отделения,

передавая все перипетии подготовительно-революционной работы и самой революционной, произведенной В. В. Берви-Флеровским совместно с молодежью, фактически совершенно верно и—с третьеотделенской точки зрения — в правильном освещении. И не мудрено.

Многолетний опыт и навык, направленные на одну и ту же цель—«искоренение крамолы», как средство самообороны и охраны власти—выработали в III Отд. удивительное чутье сыска и угадывания того, что только как грозный призрак назревает, выработали соответственную проницательность и, в большинстве случаев, безошибочное предвидение. Вот почему эти третьеотделенские хроники, это охранное творчество дают нам в существенном ясное представление о том, что делал В. В., как думал и жил, а вместе с тем, помимо их воли, раскрывают пред нами духовную личность В. В. Берви-Флеровского.

Но это еще не все. В материалах III Отд. мы находим документы, несравненно более ценные, чем показания его хроникеров или летописцев,—как хотите назовите их. Я говорю о двух прошениях, поданных на высочайшее имя В. В.—одно в 1862 году, другое в 1863 г.—и о показаниях В. В. на дознании в Архангельске, по поводу обвинения его «в составлении противозаконного общества».

Документы эти важны для характеристики лич-

ности В. В. Рассмотрим их в самых существенных чертах.

Прошение, поданное на высочайшее имя в 1862 г., особенно интересно. Это—не только *биографический*, но и *исторический* документ. В нем, в этом прошении, как в миниатюре, отражается в живых и правдивых красках тогдашний интеллигент в массе, тогдашнее просвещенное «общество», с его близорукой верой в Александра II, «царя-реформатора», с его на этот счет иллюзиями и «душу возвышающими обманами».

Пред нами скрытая в тогдашней русской действительности глубокая драма: экономическая и политическая отсталость России, недостаточное еще классовое расчленение ее, культурное убожество ее. Inde—и утопические устремления, и полное бессилие «общества»: оно в вечной тревоге, в постоянном страхе, то «припадает почтительно-верноподданнически» к стопам монарха, то не прочь втихомолку и пофрондировать, сознавая и чувствуя непрестанно ужас положения своего между молотом царизма, с одной стороны, и наковальней народной массы, враждебной и чуждой этому обществу—с другой.

В. В. короткими, но сильными ударами очерчивает это изолированное положение и немощь «общества». Это—во-первых. А во-вторых, в этом прошении выпукло и красочно вырисовывается

сам автор этого прошения, В. В. Берви-Флеровский. Он весь—порыв и энтузиазм. Он почти в состоянии аффекта, толкающего его на жертвенность... И это сказывается уже в его почерке, размашистом и порывистом, в своеобразной его орфографии и пунктуации, в почти небрежном стиле его, в, так сказать, скачущей аргументации его мыслей и суждений. Чувствуется отчетливо, что В. В. не до *формы*: в нем все кипит, бурлит, переливается через край (хотя он и уверяет царя, что он все это «зрело и всесторонне обсудил»)— и он, «спеша, волнуясь и негодуя», бросает на бумагу все накипевшее в нем: свои задушевные убеждения, свой «гнев святой», свое негодование, угрозы и мольбы...

И громит он нещадно правительство и суд («...верховный уголовный суд поступил в его деле— речь идет о деле И. Михайлова. А.—с подобострастием, унижающим суд и справедливость и достойным всякого презрения»), запальчиво и бестактно обрушивается на «крайнюю партию», выкладывает перед царем (и eo ipso пред ненавистным и презираемым им правительством, ибо прошение это предварительно прошло через «его сиятельство г. статс-секретаря у принятия прошений на высочайшее имя приносимых...») то, чего он, В. В., в спокойном состоянии никогда не позволил бы себе... Но он убежденный противник *всякого*

насилия, откуда бы оно ни исходило, а потому он обращается к Александру II, чтобы предостеречь его от опасных последствий «деспотических и притеснительных действий правительства», способствующих-де лишь усилению революционного брожения. Он искренно верит в царя, чистосердечно выкладывает ему свои мысли, взгляды и чаяния, с единственной и исключительной целью — «открыть ему глаза» (собственное выражение В. В.) на *все*. «Он считает это неот'емлемым своим *правом*, долгом своей *совести* («...я считаю долгом своей совести делать все, что от меня зависит, для того, чтобы противодействовать такому направлению не жалея ни своей жизни, ни своего счастья»), оно, это поведение его, наконец, повелительно диктуется ему его *идеологией* — в последней инстанции. Он говорит: — «Я спрашиваю, что может сделать правительство против такого образа действия, если оно перейдет в принципы и убеждение (В. В. имеет в виду революционное движение. А.)? Всякие преследования тайной полиции приведут только к тому, чтобы упрочить революционные симпатии в душах людей крайней партии. Введение самоуправления местного и конституционных собраний ничего не изменит в этом отношении, новые учреждения будут по всей вероятности находиться под сильным влиянием уже существующей администра-

ции и переймут от нее деспотические замашки. Крайняя партия будет точно так же преследуема и ожесточаема, ее революционные симпатии не только не будут уменьшаться, но будут постепенно возрастать».

Эти слова очень характерны для Берви-Флеровского. Они решительным образом проводят демаркационную линию между собою и представителями других политических течений *шестидесятых* годов,—либерально-конституционных и демократически-конституционных разных оттенков, с одной стороны, и «крайних партий»—с другой. В. В. Берви стоит в стороне и от тех, и от других. Он—уник, не укладывающийся в тесные рамки господствующих течений.

Как сторонник фурьеризма, он не придает особого значения *политическим* формам. На первом плане у него стоит *социальный* вопрос: коренное социальное преобразование, коренное социальное строительство. Как фурьерист, далее, он *против* борьбы классов и стоит за *гармонию* общественных сил, общественных групп и делений. Он тогда еще верил в Александра II, а потому, обращаясь к нему с этими излюбленными своими идеями и указывая ему на то, что в актуальном его правительстве, потерявшем совесть и стыд, представительные учреждения могут лишь усилить и углубить революционное движение,—а революционное

движение представляет собою явление пертурбационное,—он, В. В., этим самым как бы зовет Александра II взять в собственные руки *всю* полноту власти, опираясь на *«общественное мнение»* и призывая к себе, в качестве сотрудников, «не деградированную и глубоко невежественную бюрократию, а лучшие силы общества».

В. В. глубоко убежден, что, при таком сотрудничестве, «*можно было бы без малейшего труда рядом с освобождением крестьян создать такую социальную реформу, которая сразу поставила бы Россию во главе социального движения в западной цивилизации*». Он, далее, убежден, что «*неограниченный император может выполнить великую историческую миссию—осуществить социальную идею в таких обширных размерах и с таким полным успехом, о котором на Западе и невозможно было думать*» [1]).

Резюмирую. Берви, как юрист, ум которого годами уже работает и двигается в строго-определенных формах правового мышления, *прежде*

---

[1]) Слова в ковычках (и подчеркнутые мною) принадлежат В. В. Берви, заимствованы из его «Трех политических систем». Интересен этот *мессианизм* В. В., эта чарующая легенда о том, что России быть «светом с востока», спасительным примером для Запада. Легенда эта еще не изжита и поднесь. О, счастливая страна «великих легенд»!.. А.

всего во всех конфликтах с законом становится на точку зрения *права*.

Во имя неот'емлемого, твердо установленного нашими «основными законами» права каждого русского подданного петиционировать царю, Берви обращается к Александру II с прошением-протестом в защиту тверских мировых посредников, действовавших на совершенно законном основании и арестованных и преданных суду совершенно противозаконно. Берви, стало быть, прежде всего борец за *право*. Но он не за право только борется: он борется и за *правду-справедливость*, когда докладывает царю, что верховный уголовный суд приговором своим над Михайловым унизил правду и справедливость и достоин презрения. Он, дальше, утверждает эту правду-справедливость, аппелируя к высшей инстанции—к философскому и этическому своему мировоззрению: он убежденный *эволюционист* и *фурьерист*; он против всяких насилий и переворотов, он, одним словом—за «мирное развитие прогресса».

Таким рисует В. В. Берви прошение, поданное в 1862 г. Александру II. Рядом с этим прошением по *биографической* ценности стоят показания, данные В. В. в Архангельске в 1876 году. Эти показания—сжатое изложение идей «Азбуки социальных наук». Они, эти показания, дорисовывают, таким образом, только портрет В. В., оттеняя не-

которые черты его; резче, напр., выступает его философский *идеализм*. Выше я подчеркнул наиболее характерные в этом отношении строки. Semper idem: *философ-идеалист*, *утопист-социолог*, *мессианист-политик*.

Второе прошение В. В. Берви-Флеровского на высочайшее имя, как биографический документ, производит странное, неприятное впечатление, отнюдь не гармонирующее с тем, что до сих пор нам дали вышеприведенные материалы о его личности. Зачем понадобилось Берви вторично подать прошение Александру II? просить его милости, и по такому в сущности ничтожному поводу? не испугала же его, ригориста, в самом деле ссылка, которую к тому же легко было предвидеть ему? Пока это остается загадкою. Скажем только: Берви не мог руководствоваться в этом поступке непозволительными мотивами. Это поступок парадоксальный, требующий еще раз'яснений [1]).

Можно разве еще предположить, что подача прошения Александру II продиктована Флеровскому тем глубоким презрением, которое он, Флеровский, питал к «царю-освободителю», убедившись в том, что на престоле не «освободитель», а презренный, лицемерный и жестокий Романов, которого можно третировать, в случае надобности,

---

[1]) См. Приложение 1-е. А.

как любого его, Романова, полицейского чиновника. Ведь обращался же, надо полагать, Флеровский раньше к становому или исправнику за получением вида на жительство и проч. обывательскими справками, без которых не обойтись в славном царстве русских царей. Почему же ему, Флеровскому, не обращаться к коронованному приставу или исправнику с *такой же по существу* просьбой? Покаяние же, которое он, Флеровский, будто бы приносит—лишь façon de parler, неизбежный уже в подобных обращениях к царю,—раз этот шаг уже сделан. Кто говорит «а», должен сказать и «б». Может быть, это наше предположение близко к подлинной правде. Во всяком разе, при благоприятном даже постановлении царя,—это отнюдь не связывало бы Флеровского по рукам и ногам. Он продолжал бы идти *своей* дорогой. Он ошибся только в расчете: обер-исправник не оказался доверчивым полицейским.

В окончательном итоге материалы архива III Отд., во всей их совокупности, рисуют В. В. Берви-Флеровского как личность, которую природа отметила исключительным своим вниманием, вложила в нее завидные задатки творчества, как идейного, так и практического. 25-ти летняя ссылка, гонения и преследования исковеркали и изломали всю его жизнь, задавили его творчество. Особенно царствование Александра III легло тяжелым камнем

на творчество В. В.: ему отрезан был всякий доступ в литературу, имя его не произносилось, работы его преданы забвению...

Безысходной тоской и отчаянием дышат заключительные слова «краткой автобиографии» В. В.:

«В Лондоне я три года работал в британском музее с его двумя миллионами книг, там все в России и т. д. запрещенные книги дозволены. Я не имею ни малейшей надежды жить в таком месте, где бы я мог распоряжаться таким книгохранилищем и где бы я имел достаточно средств и свободного времени, чтобы закончить свое творчество. Поэтому мне остается доживать свой век без надежды и упований» («Русская Мысль», 1905, май).

«Без надежды и упований» — таков заключительный аккорд жизни одного из лучших русских людей...

5 июня 1922 г.
Петроград.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Берви-Флеровский и семидесятники.

Наш очерк о Берви-Флеровском был бы не полон, если бы мы, в заключение, не коснулись, хотя бы в общих чертах, той роли, которую он сыграл в революционном движении молодой интеллигенции 70-х годов. А роль эта была поистине значительна, особенно *накануне* этого движения. И действительно. Канун революционного паломничества в народ — этот знаменательный в истории развития революционной мысли молодежи момент, когда она, молодежь-то, только еще строила свои кружки саморазвития, вырабатывала свое мировоззрение, искала новых путей жизни и мысли, нового захватывающего дела, — этот именно момент, говорю я, особенно носит на себе яркую печать мощного влияния личности и идей Берви-Флеровского. Молодежь—я говорю о передовых ее элементах—хорошо знала Берви. Его политические выступления в 60-х годах, о которых мы выше говорили, были известны молодежи. Она знала, что он дорого заплатил за них—восьмилетней слишком тяжелой ссылкой. Но она знала еще более важное и чаровавшее ее,—а именно, что Берви проделал в ссылке решительную эволюцию в сторону революционной борьбы с существующим порядком;

что «ход вещей» воздействовал на него революционизирующим образом, что, одним словом, он изжил совершенно свой былой *мирный* постепенный эволюционизм. Она, молодежь, знала, что и в Астрахани, и в Кузнецке, и в Томске, и, наконец, в последнем месте его ссылки—в Вологде—он смело и решительно, всегда и при всяком необходимом случае, выступал в защиту прав преследуемых, угнетаемых и эксплоатируемых рабочих масс — с какой бы стороны это ни последовало, — будь то злой насильник, провинциальный «помпадур» (как в Томске), или всесильный откупщик, или пиявка-кулак, высасывающий кровь из рабочей массы. Вел он, Берви, борьбу за попранные права человека *труда* так энергично и умело, что иной раз ему удавалось и сокрушить врага народа, как это именно имело место в Томске, где ему, после целого ряда удивительно ловких и решительных действий, удалось наконец-то прогнать с поста местного губернатора, самодура-насильника, многие годы державшего в плену местное население. То была работа по содержанию и форме—чисто легальная: защита прав обижаемых и угнетаемых в рамках существующего правопорядка. Но и в таких рамках, работа при царском режиме, была, само собою, рискованной и порою опасной, что весьма испытал на самом себе, как мы уже знаем, Берви-Флеровский. Он испил до

дна, можно сказать, чашу административных воздействий и всяческих гонений. Но молодежь тогда знала о нашем Берви-Флеровском кое-что еще более важное, пленившее ее, молодежь-то. Она знала, что Берви параллельно с легальной работой ведет среди местного населения—по преимуществу городских рабочих, мещан и всякой голытьбы, а равно и окружного крестьянского населения—систематическую пропаганду *политических* идей—политическое, так сказать, воспитание массы, с целью, *прежде всего*, высвобождения массы из-под векового гипноза царизма — В. В. Берви-Флеровский, несмотря на то, что он тогда оставался еще верным своему фурьеризму (или идеям Петрашевского и петрашевцев), признавал, однако, важность и необходимость политической грамоты для трудовых масс, он тогда уже боролся против аполитизма, или простого игнорирования политической борьбы с целью завоевания политической свободы. Пропаганда социально-революционных идей и пропаганда политических идей в массе уже тогда, во второй половине 60-х годов, настойчиво проводилась Берви-Флеровским. И с большим успехом. Народ охотно слушал его, понимал его. Вот это-то именно окружило имя Берви некоторым ореолом мужества, величия и жертвенности. И молодежь — передовая — с нетерпением ждала возвращения его из ссылки и приняла Берви

с распростертыми, можно сказать, об'ятиями в свою среду, когда это возвращение, наконец, пришло.

В 1866 году Вас. Вас. Берви с женой и детьми отправлены в ссылку в Вологду. Милость. Но эта милость за перевалом в Россию превратилась буквально в крестный путь. От Томска до Тюмени, благодаря вниманию и любезности томских купцов, он ехал с большими удобствами. Но там, где кончилась Сибирь, кончились и льготы его. Весь путь от Тюмени до Вологды он прошел этапным порядком. Путешествие это продолжалось три с половиной месяца. Страданиям его в этом пути не было конца. Этап того времени представлял собою чудовищный «клоповник»; этапное начальство, стража—грубые живодеры. Если бы не уголовные арестанты, «серые мужики», Берви с семьей не выдержали бы этой поистине египетской казни. У этих пасынков жизни Берви нашел самую горячую симпатию и поддержку.

Едва оправившись, Берви засел уже в Вологде за работу. Он задумал написать книгу о положении рабочего класса в России. *Такой* книги в то время еще не было. В его руках неожиданно очутился значительный для того времени статистический материал. К этому материалу он присовокупил еще личные свои наблюдения, которые он

накопил во время своей пропаганды среди народа и странствований его по России и Сибири. Он горячо взялся за это дело, и оно поразительно спорилось в его руках. Рукопись готова. После долгих мытарств, рукопись находит, наконец, издателя в лице Полякова, и в 1869 году впервые появляется в свет книга Берви под заглавием: «*Положеніе рабочаго класса въ Россіи*». *Наблюденія и изслѣдованія Н. Флеровскаго*» [1]).

Вышла большая для того времени книга. Какое впечатление произвела она? Как современник, я без преувеличения могу засвидетельствовать, что появление этой книги было призывным набатом, раздавшимся неожиданно в тиши глубокой ночи:—спящие, проснитесь! Все мыслящее общество встрепенулось, а особенно молодежь. Она, молодежь, получила именно ту книгу, которой она ждала от Берви, — книгу, раскрывшую ей глаза на тогдашнюю русскую действительность, книгу о народе, об обожаемом ею народе, о его жизни, экономическом положении, взглядах и идеалах. Молодежь была потрясена до глубины души. Лучше всего могут выразить тогдашние ее переживания следующие слова, вырвавшиеся, как крик исстрадавшейся души, у Флеров-

---

[1]) Сохраняю *старую* орфографию—как полагается. Курсив мой. *А.*

ского в то время, когда он писал эту книгу: «Чем больше я вникал в это дело, тем более жизнь рабочего народа рисовалась передо мною в мрачных красках; все оптимистические уверения, что в России рабочему живется лучше, чем в западной Европе, что у нас нет пролетариата и т. д., разлетелись в прах. У нас привыкли кричать об английском сельском пролетариате, об ужасающей бедности в больших городах.

Я убеждался, что Россия страна повального пауперизма; что выгоды, доставляемые народу общинным владением землею и самостоятельным хозяйством, вполне уничтожаются тем грязным телом и тем невежеством, в котором он держится.

Безучастие к страданиям рабочих людей превосходило все, что можно было встретить в западной Европе. На западе не было ни одной страны, где люди были так бедны, загнаны и несчастны. Чем усерднее я занимался этим предметом, тем более овладевал мною энтузиазм; наконец, я вполне отдался ему. Я жил страданиями этого народа, я желал на самом деле испытать всю трудность его положения, чтобы изображать его во всей его реальности. Я помнил, какое сильное впечатление на меня производили описания страданий ирландского народа, и вот мне пришлось убедиться, что бедствия русского рабочего несомненно значитель-

нее. Для того, чтобы найти ему подобие, надо было отправиться в Индию» [1]).

Если В. В. Берви-Флеровский, сравнительно пожилой уж тогда человек (на 40 году жизни), так ярко и интенсивно переживал процесс своих наблюдений и исследований народной жизни, то что сказать о совершенно неподготовленной к этому молодежи, столь восприимчивой и чуткой к народному горю? Она, молодежь, вся в целом — не только авангард ее, — повторяю, была потрясена. Книга эта и собственные переживания ее автора нашли горячий отзвук в душе молодой интеллигенции. Молодежь ухватилась за эту книгу, читала, изучала ее, можно сказать. Это была настольная книга у каждого вдумчивого студента.

Значение этой книги Берви-Флеровского могу, на основании моих личных переживаний и — что важнее — на основании переживаний моих современников, формулировать так: Она *прежде всего* воздействовала на чувства молодежи, именно — на чувства высшего порядка («альтруистические» (Ог. Конт), «симпатические» (Спенсер); она приподняла заметно ее настроение; она, далее, дала несомненный толчок

---

[1]) Н. Флеровский. Три политические системы. Стр. 260. 1897 г. Лондон. Написал, хотя это и неправильно, *новой* орфографией — ради удобства набора; но сохранил пунктуацию автора. *А.*

к критической работе ее мысли, настроенной уже раньше в этом направлении: к изучению социально-философских вопросов вообще и в особенности — русской действительности (крестьянства, русской общины, обычного права, артелей, податного вопроса и т. д.); она, наконец, подготовила в известной мере революционное выступление молодежи («хождение в народ»).

Прошло полвека слишком. Позабыт автор, позабыта книга его. Это несправедливо,—несправедливо, прежде всего, с *исторической* точки зрения. Пусть, как специально *статистическое* исследование, она, эта книга, не выдерживает критики в *настоящее* время. Но не забудем, что это был ведь *первый* такой опыт в России в таком большом масштабе; что сделана эта работа в ссылке, в Вологде, в медвежьем углу, стало быть, при самых неблагоприятных для такой работы условиях. Это—*во-первых.* А три уж года спустя (в 1872 г.) книга эта уже выходит *вторым* изданием в дополненном и переработанном, на основании новых, более достоверных и ценных материалов, виде, по уверению самого автора этой книги, Н. Флеровского (а не доверять в этом отношении Флеровскому-Берви—нет уж никаких оснований). Два издания в течение 3-х лет! Пусть мне укажут

на работу этого рода, которая бы, при *первом* ее выходе, не страдала разного рода недостатками, недосмотрами, ошибками, отсутствием критики и т. п.,—что *теперь* находят у Берви-Флеровского, в его «Положении рабочего класса»! Это совершенно неправильно с точки зрения исторической перспективы. В то время, когда книга эта появилась впервые (в 1869 г.), она потрясла не только зеленую молодежь, но встретила самый сочувственный прием со стороны широких кругов интеллигентного «общества» и литературы (журналистики).

Я заявляю, что зимою 1872—73 года среди молодежи циркулировала программа для собирания сведений, помнится, об артелях в России — программа одного из наших культурных земств,—какого, сейчас припомнить не могу. В этой программе, между прочим, указывается на то, что за образец этого исследования следует принимать книгу Флеровского, при чем особенно подчеркивалась,—я отчетливо это помню, — *художественная* форма изложения, как весьма желательная. Я помню отлично, что автор (или авторы) программы мотивировал это тем, что реальные факты наблюдений и исследований, будучи выражены в художественной форме, сильнее западают в душу, отчетливее запечатлеваются в ней. А книга Флеровского именно давала не только факты и факты,

но перевоплощала их в чувственно-конкретные, художественно выраженные восприятия. Может быть, это недостаток для *специалиста-статистика*, но для социолога, историка, для публициста, для политика, преследующих широкие общественные задания и стремящихся к *действию*,— для этих лиц требование нашего земства было, вероятно, не лишено резона. Это—*во-вторых*. И, наконец, в *третьих*, книга Флеровского, с *исторической* точки зрения, и для *настоящего* времени представляет интерес—как отображение *тогдашней* русской действительности, *тогдашнего* общественного бытия, а стало быть, и *тогдашней* идеологии, *тогдашних* идеологических построений разных категорий. Россия в то время, говоря словами Маркса, «не напала еще на след закона исторического ее развития», а *такое* общественное состояние («бытие») — лучшая почва для всякого рода *утопических* построений. «Положение» же «рабочего класса в России» — лучшая иллюстрация к этому, особенно—«заключение» этой книги. «Заключение» это занимает в книге 40 стр., из которых первая половина—20 страниц — представляет собою социально-философские предпосылки того миросозерцания Флеровского, которое он ближайшим образом более подробно развил в «Азбуке социальных наук».

Предпосылки эти составляют несомненный исто-

рический интерес и достаточно выявляют свою утопическую природу.

Мне остается еще попутно назвать одну работу Берви-Флеровского, появившуюся одновременно с первою его работою в 1869 году. Я говорю о брошюре его «Свобода речи, терпимость и наши законы о печати». Для молодежи она, эта брошюра, не имела такого значения, как «Положение рабочего класса в России», но, тем не менее, она весьма охотно читалась и распространялась среди молодежи. А со стороны печати она, чуть ли не со всех сторон, заслужила весьма сочувственный отзыв. В течение года с небольшим она выдержала три издания. Окончательный вывод автора этой брошюры гласит: — «... навязывать России юридические воззрения путем законов о печати и нелепо и несправедливо, и что, если правительство хочет оставаться в пределах здравой и честной юридической философии, то оно должно вовсе отстранить все специальные законы о печати; существующие же законы, карающие за нарушение тишины и спокойствия, совершенно достаточны для сохранения общественного порядка» [1]).

---

[1]) Орфография новая, пунктуация сохранена, как у автора брошюры. А.

Характерно вскользь брошенное Берви-Флеровским замечание по поводу этого заключения своего:—«... Мысль о бесполезности специальных законов о печати была высказана десять лет ранее Чернышевским, я прибавил к ней аргументацию, доказывающую нелепость таких законов».

В 1870 году В. В. Берви-Флеровский освобожден, наконец, из под надзора, ему разрешается жить повсеместно, за исключением Петербурга и Петербургской губ.; последнее ограничение—личное требование «царя-освободителя», Александра II.

В. В. Берви поселяется в Любани, в 2½ часах езды от Петербурга. Здесь-то развернулся во весь рост В. В. Он работает, не зная ни отдыха, ни устали; из-под пера его выходит год спустя (1871 г.) капитальный труд его под заглавием «Азбука социальных наук», наведший на администрацию нечто вроде ужаса, а для молодой интеллигенции бывший подлинным откровением; он подготовляет к печати 2-е издание «Положения рабочих в России» (издание чайковцев); он ближе сходится с революционным кружком чайковцев, а затем и долгушинцев; а одновременно с этим, неутомимый, он ведет *самостоятельную* агитационно-пропагандистскую работу освободительного и революционного характера среди рабочего населения Любани и окрестных жителей.

III-е отделение, как мы уже знаем, на-стороже, бьет тревогу, окружает его сетью внешних и внутренних «агентов», ткет тщательно паутину и зорко выслеживает свою добычу. А добыча положительно не дается в руки, она неуловима. Тайком пробирается Берви-Флеровский в Петербург, крадучись, словно юноша на свидание с любимой. Там видается он с Натансоном, Чайковским, Клеменцом, Кравчинским, Перовской, Ободовской и другими чайковцами; сговаривается с ними насчет издания своих книг; пишет для организации их «Азбуку» свою; ведет горячие с ними беседы о теории и практике революционной работы в народе. И т. д., и т. д.,—словом, духовный, личный и деловой контакт во всей его простоте и красоте,—какой только и был возможен, когда сходится прямая, честная, искренняя молодежь и пожилая, уже умудренная мыслью и «уроками жизни», мудрость. Поистине трогательный союз. В. В. Берви-Флеровский в восторге от этих товарищей-друзей. Его восхищает это удивительное сочетание в них таких качеств, как идеализм чистой воды и поразительная деловитость, ригоризм, доходящий у некоторых (напр., у незабвенной С. Перовской) до аскетической суровости схимника. Берви-Флеровский изо дня в день, можно сказать, следит и за «книжным делом» чайковской организации, и за всей, связанной с этим делом, интенсивной, разно-

сторонней работой по подготовлению и выработке революционной личности молодежи. Берви-Флеровский в восхищении. Страницы, посвященные им в цитированной нами не раз брошюре, написаны такими красочными, теплыми, восторженными словами, что читаются с захватывающим интересом. Некоторые наброски его углем силуэтов чайковцев поражают своей художественностью. Милый, симпатичный Василий Васильевич склонен, правда, порою, к некоторым преувеличениям. Но это вполне естественно и простительно, так как он *впервые* столкнулся и сошелся с молодежью на общей живой работе, видел, как она, эта молодежь, подготовляется к предстоящей ей миссии — к *революционной* работе в народе. А такая миссия, по натуре своей, связана всегда и повсюду, а особенно при царском режиме, с героизмом, жертвенностью. А это не может не вызывать преклонения, а где преклонение, там—неизбежно и сгущение красок.

В. В. Берви-Флеровский переезжает в 1872 г. на дачу в Финляндию. Здесь происходит то же, что и в Любани: дача становится центром тяготения для передовой молодежи, чем-то вроде Каноссы. Появляются уже новые лица—*долгушинцы*: Долгушин, Дмоховский и др. товарищи этого кружка. Все теснее и теснее замыкается цепь кон-

такта между В. В. и революционной молодежью, все ближе и ближе сходятся они. Революционный передовой отряд молодежи — чайковцы и долгушинцы — готовится уже «пойти в народ». Мысль созрела, настроение переливается через край. Ждать больше нечего. И это еще больше сблизило Берви-Флеровского с молодежью: ведь он сам не переставал звать ее вниз, в народную гущу. А когда в 1873 г. клич «в народ!» прозвучал, Флеровского охватывает какой-то экстаз, его озаряет *новая* идея, властная и мучительная — *создать новую религию*, как мощное орудие завоевания народа.

Эта эволюция умонастроения и жизнеощущения Вас. Вас., ближайшим образом начавшаяся вследствие тесного сотрудничества и сожительства его с революционной молодежью, так интересна и поучительна, что мы позволим себе дать слово самому Вас. Вас.

Вот что он по этому поводу говорит:— «У меня постоянно было в уме сравнение между готовящейся к действию молодежью и первыми христианами. Они еще не выступили в дело, они только готовились и, одушевленные своим беззаветным энтузиазмом, были вполне уверены в успехе. Я был также убежден, что с ними сладить будет нелегко; но когда я обозревал беспредельное поле действия среди непочатого русского народа, тогда

я убеждался, что успеха можно ожидать только тогда, когда охвативший молодежь взрыв энтузиазма будет превращен в *постоянное* и *неискоренимое чувство*. Непрерывно думая об этом, я пришел к убеждению, что успех можно будет обеспечить только одним путем—*созиданием новой религии*... (Курсив мой. А.).

Надо *научить* народ посвящать свои силы самому себе, *сделать* его *способным* жить и переносить все на свете ради своих братьев; они и они одни должны быть предметом его любви и его горячих желаний; к ним одним должны быть обращены его горячие чувства; они одни должны стоять в его глазах выше всего и составлять всю цель его жизни, они должны составлять его религию.

Я стремился создать *религию равенства*. Если бы можно было эту самую молодежь превратить в апостолов такой религии. Если бы убывающие ряды их пополнялись все новыми верующими, которые, подобно первым христианам, горели бы возрастающим энтузиазмом, тогда успех дела был бы обеспечен» [1]).

Какие яркие, проникновенные, дышащие верой слова! Флеровский-Берви, как *идеалист-утопист*, вполне выявился в них, в этих словах. Здесь на-лицо основные *психологические* элементы фурье-

---

[1]) Там же. Стр. 305. Курсив мой. А.

ризма (в последнем счете): власть «эмоций» высшего порядка, сконцентрированных до высоты *религиозного* настроения, характеризующегося высшим напряжением *познания* и *чувств*, сплавленных воедино. Здесь, далее, несокрушимая вера в *природу* человека; здесь, наконец, вера в силу *слова*, *пропаганды*, *примера*.

Молодежь с живым интересом слушала Берви-Флеровского. Это гармонировало с тогдашним ее настроением и, вместе с тем, не противоречило ее собственной идеологии и ее целям: ведь ее «религия равенства» стремилась к установлению братства, равенства, солидарности между людьми, а следовательно, в последнем счете—к уничтожению эксплоатации человека человеком, т. е. к той же конечной цели, к которой стремится социализм. Долгушинцам пришла в голову мысль попытаться, как *такая* именно религия, «без бога и святых угодников» (слова Берви-Флеровского. А.), воспримется народом, как воздействует на народ. И вот, долгушинцы, которые уже решили двинуться в народ, обратились к В. В. Берви-Флеровскому с предложением, чтобы он написал такую именно брошюру для народа, т. е. такую, которая проповедовала бы «религию равенства». В. В. Берви-Флеровский согласился, но при этом, как бы невзначай, проронил, «... что как бы плох ни был современный порядок, существующий в России, но

он образовался исторически, со всеми воззрениями и инстинктами, которые из него произошли».

Это значит: не берите на себя слишком тяжелую ношу, ставьте задачи и цели реально выполнимые и достижимые. Мудрый совет старшего товарища-друга.—Брошюра была написана и еще до ее напечатания читалась народу в рукописи, и когда оказалось, что она нравится рабочему люду, решено было напечатать ее. В печати она явилась в двух изданиях (*вариантах*): одно напечатано заграницей Дмоховским (в Швейцарии) и было озаглавлено: «О Николе чудотворце или как надо жить по законам природы и правды»; другое—самими долгушинцами в их типографии и называлось — «Как должно жить по законам правды и природы».

Обе брошюры по существу совершенно тождественны; долгушинская отличается лишь тем, что она несколько сокращена и слегка изменена. Но основной тон обеих вариаций — *один и тот же:* слышны явственные отголоски утопического социализма. То же самое следует попутно сказать и о прокламации Долгушина «К русскому народу», написанной в приподнятом нравственно-религиозном тоне. Она является в значительной мере подражанием брошюре Флеровского («О Николае чудотворце»). Сдается, что Берви-Флеровский оказал и здесь свое влияние: манера говорить, аргумен-

тация, аппеляция к «вечной справедливости», «к закону природы и правды», «к естественному праву»,—все—от утописта Берви-Флеровского.

В 1871 году вышла «Азбука социальных наук», т. 1-й, без подписи автора. Но молодежь хорошо знала, что автор этой книги—любимый и почитаемый ею В. В. Берви-Флеровский. Этого одного было достаточно, чтобы книга эта нашла широкий круг читателей среди тогдашней молодежи. Инициатива же появления этой книги принадлежит кружку чайковцев, предложивших В. В. Берви написать книгу об этике. Такой книги тогда не было, а чайковцы интересовались вопросами этики. Этика,—говорили они,—область творчества идеалов, синтез знаний. Как же быть без *такой* книги, когда проблемы личного и общественного поведения — проблемы разумной, одухотворяемой высшим идеалом личного и социального бытия жизни—стоят на очереди дня? Предстоящая работа в деревне требует высшего напряжения познания и воли, направляемых, опять-таки, в последнем счете высшим идеалом. Чайковцы горячо доказывали, что, пока у нас не будет великой книги об этике, мы не будем в состоянии осуществить социалистический строй. Когда им указывали на научный социализм, они упорно возражали, что научный социализм—лишь философия социального строя, в ко-

тором эксплоатация человека человеком не будет иметь места, в котором не будет деления на классы и т. д.,—одним словом, философия *материального* его устройства, но отнюдь не *духовного*. Нужна, поэтому, настоятельно такая книга. Не только чайковцы интересовались этими вопросами, но многие, многие из мыслящих интеллигентов того времени. В. В. Берви-Флеровский был в их числе. Он томился, мучился проблемой этики, и в голове его уже созревала идея о построении «научной этики»; эту идею он высказывал своим единомышленникам. Со свойственной ему страстностью и работоспособностью он взялся за работу и выполнил ее скоро. Так появилась «Азбука». Предвидя преследования со стороны предержащих властей, книгу выпустили анонимно. Корректировал ее М. А. Натансон (по показаниям Чайковского). Книга овладела молодежью. Написанная с большим под'емом, она была очень интересна и содержательна. Обширная эрудиция автора в разнообразных областях истории культуры и этнографии, оригинальный подход автора к кардинальным вопросам социального бытия, социального поведения, морального действия,—все это сделало книгу весьма привлекательной.

Вот основные положения «Азбуки».

1) «Строителями нормальной здоровой жизни были «мирные племена»; они и исключительно

только они. Они своими усилиями, правда, совершенно стихийно, плодили жизнь на земле, создавали культуру, науку, творили, одним словом, подлинный прогресс. Падали, разлагались государства, царства, созданные хищниками, менялись под мятежными и революционными ударами восставших масс формы правления, складывали на плаху свои головы гениальные и тупые деспоты, уступая место другим, которые снова и снова, в более лишь смягченной форме, восстановляли старый гнет, прежнее хищничество и угасание жизни...

Из этого заколдованного круга не выходила в исторической своей жизни масса народная. Круг размыкался временами, рвались звенья его, чтобы снова и снова железным кольцом замкнуться на шее рабочей массы. И в таком направлении будет дальше двигаться история народов, если *общие настроения чувств* останутся такими, какими они теперь, или если будут продолжать идти в направлении постоянно разрастающегося обожания богатства, то развитие будет трудно, будет связано с тяжкой борьбой и может расплодить так много ненависти, что, наконец, погубит цивилизацию. Во всяком случае оно будет совершенно ненормально и пройдет сквозь ряд уродливостей» [1]).

2) «Нормальное условие для развития обще-

[1]) «Азбука социальных наук». Стр. 187. Курсив мой. А.

ства явится только тогда, когда после ряда печальных опытов, *значительное большинство сильных* и, по крайней мере, *большинство массы будут вполне сознательно понимать, что искренняя деятельность на общую пользу и для общего развития солидарности человеческих интересов — это самое благоприятное условие для личного счастья каждого*» [1]). А это, прежде всего, предполагает высокое *нравственное* развитие.

Пока этого нет, нельзя назвать европейскую цивилизацию «сознательной»: «мы видим очень ясно, что европейская цивилизация, несмотря на значительное ее умственное развитие, даже не принималась за дело развития нравственного. Мы ее видим в той же сфере инстинктивных, неразгаданных и неоплодотворенных *рациональным* развитием побуждений, в которой вращаются даже дикари; к прогрессу не сделано и первого шага.

Все улучшения, которые мы видим кругом нас, это плод умственного развития и того бессознательного смягчения нравов, с которыми мы встречаемся во всех цивилизациях, начиная от самых древних, в тех азиатских, африканских и американских цивилизациях, на которые европейцы смотрят свысока и с такою заносчивостью, без малейшего на то права, потому что они не сделали ничего лучшего.

---

[1]) Там же, стр. 193. Курсив мой А.

Если припомнить, как все предшествующие цивилизации, несмотря на умственное развитие, *погибали именно и исключительно через отсутствие рационального развития нравственных сил*, то заслуга современной европейской цивилизации, по сравнению с предшествующими, будет равняться *если не нулю, то величине очень близкой к ничтожеству* — она точно так же, как ее предшественницы, не учит людей жить, создающей солидарность между ними, *мировой* жизнью; *она не развивает в них той силы, которая для каждого человека может сделаться источником наибольшего счастья; между тем до тех пор, пока люди этому не научатся, они не будут исполнять своего назначения и будут только уменьшать и собственное свое и чужое счастье*».

Наконец, последний аккорд: — «могут ли считаться цивилизованными и нравственно развитыми, которые видят, что девять десятых земной суши нуждается в заселении, и которые все-таки утверждают, что людям для того, чтобы жить, нужно бороться между собою за существование, а не помогать друг другу. Пусть же самолюбие их восстает против этого сколько им угодно, а я все-таки скажу, что их цивилизация несознательная,— *варварская*» [1]).

---

[1]) Там же, стр. 194. Курсив мой. А.

Резюмируем. Перед нами разновидность *эклектически* построенного социально-философского построения ярко выраженного *утопического* типа. Подчеркнутые нами места выявляют наличность всех элементов *фурьеризма:* значение *сознательно* развитых чувств для «*мировой*» жизни (*космогонический* мотив); полное безоговорочное отрицание классовой борьбы («гармония интересов»); отрицание современной «цивилизации» (термин Фурье: под «цивилизацией» он разумеет современный буржуазный строй); уже указанные нами элементы учений философов XVIII в.: их *натурализм* и *материализм* (Дидро, Руссо, Гольбах и Гельвеций); невыдержанный характер этого построения: причудливое сочетание противоположных и совершенно несогласимых элементов *идеалистического* и *материалистического* понимания; отсутствие диалектического понимания исторического движения; подавляющая масса фактов, аналогий, не связанных в их диалектике, не исследованных диалектическим *методом*. Это, одним словом, не *научно*-философская, в современном значении этого слова, книга, а блестящая по форме, богатая мыслями, настроением, благородными движениями души — *утопия*. Но В. В. Берви-Флеровский, этот «великомученник истины» (Н. К. Михайловский — его слова), этот неугомонный, мятущийся правдоискатель, этот несомненно богато

одаренный писатель синтетического, склонного и способного к философским построениям ума,— В. В. Берви-Флеровский, говорю я, не мог в то время иначе мыслить и переживать тогдашнюю русскую действительность, а с ним—и его многочисленные единомышленники: семидесятники, молодая интеллигенция, в особенности. Бытие определяет собою сознание, общественное бытие—общественное сознание. В. В. Берви-Флеровский, и иже с ним, далеко еще был тогда от того, чтобы понять истинный характер совершающегося тогда переворота в русских общественных отношениях. «Такое понимание обыкновенно приходит лишь после того, как переворот завершился. Сова Минервы вылетает только ночью» [1]).

---

[1]) К. Н. Беркова. *П. Гольбах.* Введение, стр. 12. Издат. Красная Новь. Москва. 1923. А.

Приложение 1-е.

Ваше Императорское Величество,

Государь Всемилостивѣйшій!

Въ февралѣ 1862 года, когда были арестованы тринадцать тверскихъ мировыхъ посредниковъ, я узналъ изъ вѣрнаго источника, что, по мнѣнію бывшаго Министра Юстиціи Статсъ-Секретаря Графа Панина, лица эти должны быть лишены правъ и сосланы въ каторжную работу. Я не могъ не опасаться, чтобы этотъ взглядъ на дѣло не одержалъ верхъ въ Правительствующемъ Сенатѣ и чтобы такимъ образомъ тверскіе дворяне не были обвинены предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ уголовномъ преступленіи, которое грозило имъ окончательною гибелью, въ то время какъ вина ихъ менѣе всего подвергала ихъ уголовному наказанію [1]). Зная законъ, который

[1]) Они были приговорены Сенатом к двухмесячному заключению за проступок, между тем, как по первоначальному

дозволяетъ подданнымъ сноситься съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ только посредствомъ Коммиссіи прошеній, а Коммиссія предписываетъ оставлять безъ послѣдствій прошенія, по дѣламъ до просителей не относящимся, я сталъ думать, что для обращенія вниманія Вашего, Государь, на мое понятіе о дѣлѣ, я имѣю одно средство выразить это понятіе въ такой формѣ, которая бы подвергла меня наказанію, не могущему быть наложеннымъ безъ разрѣшенія Вашего. Подъ вліяніемъ сильнаго желанія спасти девять человѣкъ дворянъ отъ грозившейся имъ гибели, я рѣшился на свой поступокъ, но тотчасъ же получилъ достаточно основаній, чтобы пожалѣть о немъ Ваше Императорское Величество обратили и безъ того милостивое вниманіе на дѣло тверскихъ дворянъ, и мое действіе только погубило меня безъ всякой для нихъ пользы. Вы, Государь, и мнѣ оказали снисхожденіе. По Высочайшему повелѣнію, я не былъ даже преданъ суду и послѣ девятимѣсячнаго заключенія я былъ удаленъ изъ Петербурга въ Астраханскую губернію. Мнѣ оставалось надѣяться мало по малу убѣдить правительство въ умѣренности моего образа мыслей и дѣйствій. Несмотря на это, я неожиданно былъ снова

предположению они обвинялись в умышленном неисполнении высочайшего повеления, т. е. в уголовном преступлении, влекущем за собою лишение всех прав.

арестованъ по одному глупому и основанному на слухахъ указанію въ частномъ письмѣ профессора Калиновскаго, будто бы ссыльный Данненбергъ старается вовлечь меня въ революціонную пропаганду.

Съ крайнимъ прискорбіемъ увидалъ, какое я внушилъ недовѣріе къ себѣ правительству, хотя въ прошедшей дѣятельности своей, я ничѣмъ не обнаружилъ революціоннаго направленія. Въ ней не только не оказывалось наклонности къ скрытному образу дѣйствія, но, напротивъ, совершенное отъ него отвращеніе. Все это еще болѣе подтвердилось при осмотрѣ моихъ бумагъ и при производствѣ слѣдствія по взведенному на меня подозрѣнію. Читанная въ Казанской слѣдственной Коммиссіи интимная моя переписка съ моимъ семействомъ и друзьями должна была вполнѣ убѣдить въ вѣрноподданническихъ моихъ чувствахъ и умѣренности моего образа мыслей. Двукратное строгое слѣдствіе должно было доказать, что у меня и въ мысли никогда не могло быть революціонной пропаганды. Этому вполнѣ соотвѣтствовало и мое поведеніе въ Астрахани.

Въ первое время мною было написано тамъ нѣсколько обличительныхъ статей противъ мѣстнаго чиновничества. Въ то время подобныя статьи были равно полезны для народа и для правительства. Но съ начала войны мною не было написано

ни одной строки къ обличенію чиновниковъ. Если Вашему Императорскому Величеству будетъ угодно оказать мнѣ, столь необходимую для меня, въ настоящее время, милость, то Вамъ легко будетъ убѣдиться въ справедливости моихъ словъ. Въ настоящее время положеніе мое самое тягостное и безвыходное. Продолжительное заключеніе и переѣздъ съ семействомъ въ Астрахань окончательно раззорили меня. Къ этому присоединилось разстройство въ семейныхъ дѣлахъ отъ смерти моей матери. Едва я, послѣ этого, успѣлъ въ Астрахани пріобрѣсти себѣ скудныя средства пропитанія ходатайствомъ по дѣламъ, какъ былъ арестованъ, при чемъ взяты были и отосланы изъ Астрахани въ Казань до десяти находившихся у меня дѣлъ моихъ кліентовъ. Это доставило имъ такія непріятности и убытки, что я въ настоящее время, въ Астрахани вовсе не могу добыть себѣ работу и буду счастливъ, если не подвергнусь процессу за неисполненіе условій относительно кліентовъ. Я лишился всей, слѣдующей мнѣ, отъ моихъ кліентовъ за труды, платы и теперь пятый мѣсяцъ нахожусь въ заключеніи, въ Казани, гдѣ живетъ мое семейство въ долгъ, безъ всякихъ средствъ къ существованію. Возвращеніе вновь въ Астрахань грозитъ мнѣ голодной смертью.

Поэтому я рѣшаюсь всеподданнѣйше просить Ваше Императорское Величество оказать мнѣ ми-

лостивое снисхожденіе и позволить возвратиться въ Петербургъ, какъ единственное мѣсто, гдѣ я буду въ состояніи найти себѣ пропитаніе и избавить семейство отъ крайности.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрно подданный

Надворный Совѣтникъ Вильгельмъ Берви.

30 ноября 1863 года [1]).

БИБЛИОТЕКА
СТОЛОВОЙ
С.Н.К.

---

[1]) «Оставлено без последствий». А.

(«Из производства высочайше утвержденной С.-Петерб. следств. Комиссии, № 109. О проф. Спасовиче, быв. ад'юнкт-проф. Калиновском, быв. студ. петерб. унив. Данненберге и надв. сов. Берви. Дело началось по поводу разыскания статьи под заглавием «Вопрос Польши», написанной казненным преступником Спроковским. Нач. 16 июня 1863 г., конч. 30 марта 1868 г. На 69 листах»). А.

9(с)16

О. В. Аптекман

Василий Васильевич Берви-Флеровский

947
А77

«КОЛОС»

ЛЕНИНГРАД
1-9-2-5

2р50к.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00049808500